

№3

Декабрь 2005

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

С Новым годом!

Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№3
Декабрь 2005

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	НОВЫЙ ГОД ПО-ГРУЗИНСКИ	4
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ИНТЕРЕС К РУССКОМУ ЯЗЫКУ РАСТЕТ!	6
О, СПОРТ!	НАШ ЧЕЛОВЕК В АВСТРАЛИИ	8
	НОВЫЙ ГОД ПО-ГРУЗИНСКИ	11
КИНОКЛУБ	ВОЗВЫШЕНИЕ ДУШИ	12
РУССКИЙ ДУХ	РУССКАЯ ГЛУБИНКА В ГОРАХ ГРУЗИИ	14
ДИАЛОГ КУЛЬТУР	«НАДО УМЕТЬ ЖИТЬ НА ЛИТЕРАТУРНЫХ ФИЛИППИНАХ...»	18
РЕЖИССУРА	«НЕ ПЛАЧЬТЕ ОБО МНЕ...»	24
ЛИТЕРАТОРИЯ	КОНСТАНТИН КОНДРАТЬЕВ	27
МУЗЕЙОН	ВДОХНОВЛЕННЫЕ КАВКАЗОМ	28
	МУЗЕЮ БЫТЬ?	31
БАЛЕТОМАН	ПОЭЗИЯ ТАНЦА	34
АРХИТЕКТОН	ДЛЯ ПОЛЬЗЫ И УКРАШЕНИЯ ГОРОДА	38
ЛИТЕРАТОРИЯ	НАТАЛЬЯ ДАМИНОВА	41
АЗАРТ	«ЭТО БЫЛ ВЕЧНЫЙ ПРАЗДНИК»	42
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	«НАС ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ В САБЕЛЬНЫЙ ПОХОД...»	46
АВАНСЦЕНА	«ОГОНЬ, МЕРЦАЮЩИЙ В СОСУДЕ»	48
КУЛЬТПОХОД	ПРИВЕТ, ЧИПОЛЛИНО!	50

НОВЫЙ ГОД ПО-ГРУЗИНСКИ

В мифоритуальном сценарии празднования Нового года особое значение приобретает меквле – первый человек, входящий в дом с поздравлениями. В славянских обрядах это – паланик. Его роль в грузинской традиции брал на себя хозяин дома, старший мужчина в семье. Накануне Нового года он отыскивал в лесу молодой гладкий побег мелкого орешника, срезал его у корня, и гладкую, ровную, без веток и сучьев, палку приносил домой, затем подогревал на костре для придания большей упругости и начинал обтесывать со всех сторон ножом, во всю длину, от одного конца до другого снимая с нее тонкими узкими слоями выющиеся стружки. Это новогоднее деревце и называлось чичилаки (или в другой транскрипции - чичилаги). Чичилаки выглядело как небольшое ветвистое дерево, украшенное фруктами, в первую очередь гранатами – символом плодородия, а также сладостями: чурчхелами, гозинаки, конфетами, часто еще украшали зеленым плюшем и драгоценностями: серебром и другими. Кроме того, в качестве жертвоприношения, к чичилаки привешивали дрозда, очищенного от перьев, но с хвостом. Спозаранку, утром первого дня Нового года меквле вставал раньше всех, брал чичилаки и деревянный лоток со сладостями, зерном, ритуальными хлебами, пирогами со свиной, вином с тремя зажженными свечами – то есть со всеми основными продуктами, которые могли быть в хозяйстве, и выходил во двор. С этой ношей он обходил все важные хозяйственные объекты (марани – винный погреб, амбар, курятник, свинарник, виноградник и т.д.) и поздравлял их с Новым годом, произнося импровизационные молитвы о благополучии. Затем возвращался домой и обнаруживал дверь наглухо запертой. Впрочем, это происходило не случайно, а по договоренности с хозяйкой дома. Меквле громко требовал вотворить двери. Хозяйка, стоящая по другую сторону, спрашивала, что он несет. В ответ меквле перечислял всякое добро, в том числе размножение скота, урожайность, благополучие и прибавление семье. Вопросы и ответы повторялись три раза, после чего двери открывались. Входя в дом, меквле трижды обходил очаг с правой стороны, сыпал горстью зерно - в основном, пшеницу, кукурузу, гоми (гоми – зерновое растение, которое теперь встречается гораздо реже, чем раньше) и другие виды злаковых – которое призвано было обеспечить богатство, плодородие, плодovitость семьи. Он обновлял огонь, подходил к каждому члену семьи, поздравлял с Новым годом, дарил гозинаки и говорил: «Состарься так же сладко, как и этот гостинец». Затем всей семьей приступали к совместной трапезе. Новый год – такой праздник, где присутствие чужих крайне нежелательно. Первым входил в дом так называемый посторонний меквле, человек со счастливой ногой. Можно сказать, что в грузинской традиции два меквле: домашний и со стороны. Причем другого человека приглашали не просто так, его проверяли заранее, звали на Барбаробу – день Святой Варвары, 17 декабря. И если потом не случалось никаких несчастий, и все было хорошо, к примеру, часто неслись куры, то этого человека с хорошей ногой специально приглашали и на Новый год. Считалось, что проходящие в новогодние праздники обряды, включая и Барбаробу, влияют на весь следующий год. Чичилаки подвешивали над очагом до Крещения (Епифания по-гречески), а затем сжигали. Думаю, что чичилаки – ностальгический символ райского существования.

НИНО АБАКЕЛИА

Перед тем, как выйти на Головинский, распахнем окно. В холодную ночь, мгновенно превращающуюся из декабрьской в январскую. Это превращение мы не ощущаем, а услышим. И с нами вместе его из XIX века услышит историк, свидетельствующий, что *“в новогоднюю ночь по всему Тбилиси гремели выстрелы. Хозяин дома и домочадцы мужского пола считали необходимым хотя бы раз выстрелить в воздух, имея в виду при этом весьма важные для себя последствия: каждый был уверен, что пуля попадет в ведьм, злых духов и прочую нечистую силу”*.

И в этом тбилисцы свято следуют традициям предков. И так же традиционно бессильны стражи закона, пытающиеся бороться с палящими в воздух горожанами. Историк свидетельствует: *“Обычай новогодней стрельбы вызывал серьезное беспокойство у тбилисской администрации, которая грозными распоряжениями неоднократно пыталась ее запретить. Однако большого успеха в этом полицейские чины не имели, и, судя по донесениям околоточных надзирателей, еще в 1910-х годах разгоряченные праздничным весельем тбилисцы палили в воздух до самого рассвета”*. С высоты XXI века добавим: тбилисцы палят в воздух и многие десятилетия спустя после 1910-х годов. И, внося это дополнение в летопись города, еще раз посмотрим глазами историка в позапрошлый век, на истоки того, что с детства знакомо каждому из нас: *“...В последних числах декабря тбилисские женщины были заняты генеральной уборкой: комнаты и балконы многократно убирались, посуда и утварь сверкали, постельные принадлежности и ковры с тщиением вытряхивались и выбивались. Немало времени женщины проводили в эти дни на базарах, где бойко шла предпраздничная торговля. К новомуднему празднику полагалось приготовить ряд традиционных яств...Непременной принадлежностью праздничного новогоднего угощения были сладости и фрукты: гозинаки, мед, яблоки, изюм, орехи... Спать в новогоднюю ночь не полагалось, так как можно было проспать свое счастье, а также лишиться своей доли ума, которая в тот день раздавалась на небесах...”*

С утра 1 января праздник выплескивался на разукрашенные улицы. Самыми красочными были лавки сладостей: хозяева состязались в оформлении их замками из леденцов и деревьями, на ветви которых насаживалось фруктовое ассорти. Из дома старались выйти все - чтобы степенно прогуляться и побеседовать со встречными, *“музыка, пение, танцы, дружеские пирушки продолжались до самого вечера”*. Кроме того *“в первый же день Нового года тбилисцы наносили друг другу взаимные визиты. Особенно важное значение придавалось первому визитеру. Это должен был быть добрый знакомый семьи, искренне расположенный к своим друзьям. Пришелец обычно одаривал детей семьи фруктами и сладостями, в ответ он также получал сладкое угощение, как правило, гозинаки, и обязательно чашу с вином или водкой...”*

И мы с тобой, читатель, во времена, когда нас еще не называли по отчеству, отправлялись 1 января с полной тарелкой к соседям по длинному скрипучему балкону. И именовались мы “меквле”. Но знаешь ли ты, что в старом Тифлисе это слово имело другое значение? “Меквле” (“пролагающим след”) называли члена семьи, который на рассвете обходил все комнаты дома со столиком “табла”. По краям столика горели четыре свечи, специально отлитые хозяйкой, а в центре лежали сладости, фрукты

и “басила” - фигурный хлеб, выпеченный в честь св. Василия, родившегося 1 января. Считалось, что следом за “меквле” комнаты обходит ангел, несущий здоровье и благополучие.

Надо признать, что сегодня, увы, мы нарушаем некоторые свято соблюдавшиеся обычаи новогоднего праздника. Ведь, приходя в гости 1 января, нельзя было оставаться на обед - это “грозило годовым отсутствием в доме”. Запрещалось что-либо одалживать, ибо вместе с отданной вещью из дома может уйти благополучие. А возвращаясь домой, нельзя было приносить ничего горького... Не стоит ли возродить эти обычаи, читатель? Тем более, что, распахивая сегодня окно, мы продолжаем один из них: при любой, даже самой холодной погоде дверь или окно в новогоднюю ночь тифлисцы держали открытыми - чтобы в дом вошло счастье, разгуливающее по улицам. Впрочем, счастье это начинали ждать чуть раньше, на Рождество, когда обязательно должны свершаться чудеса, подобные тому, которое описал в романе “Московская сага” Василий Аксенов: *“Член группы поэтов “Голубые роги” Тициан Табидзе однажды столкнулся на Головинском проспекте с мэром Тифлиса. “Слушай, Тициан, почему мрачный ты идешь по моему городу с молодой женою?” - спросил мэр. “Негде нам жить, господин мэр, - пожаловался Тициан. - Нечем платить за апартаменты”. Мэр вынул ключ из кармана: “Только что, Тициан, реквизирует я особняк Коммерческого клуба. Там и живи ты с молодой женою, там и работай. Только лишь Грузию не лишиай своих стихосложеней”*.

Владимир Головин

ИНТЕРЕС К РУССКОМУ ЯЗЫКУ РАСТЕТ!

Российский центр международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр) отметил свой 80-летний юбилей. В связи с этим событием состоялась беседа корреспондента "Русского клуба" с советником Посольства Российской Федерации в Грузии, представителем Росзарубежцентра Евгением Внуковым.

- Евгений Викторович, расскажите, пожалуйста, об истоках зарождения организации, представителем которой в Грузии вы являетесь, - Росзарубежцентра.

- Пробраз Росзарубежцентра - Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было создано 8 августа 1925 года. У его истоков стояли А. Луначарский, первый председатель ВОКС Ольга Каменева, Владимир Маяковский, Сергей Прокофьев, Дмитрий Шостакович, Сергей Эйзенштейн, Илья Эренбург. Сподвижниками и деятельными партнерами ВОКСа были как Альберт Эйнштейн, Ромен Роллан, Мария Склодовская-Кюри, Анри Барбюс, Рабиндранат Тагор, Теодор Драйзер, Бернард Шоу, Герберт Уэллс... Во многом благодаря этой организации сквозь железный занавес, отделявший Советскую Россию от остального мира, проникала объективная информация о нашей стране. Именно по линии ВОКС начали осуществляться первые поездки советских граждан за границу и соответственно в СССР. Представители советского искусства стали принимать участие в зарубежных фестивалях и конкурсах.

- Сколько центров Росзарубежцентра есть в мире в настоящее время?

- Если в 1990 году наши представительства и культурные центры были в 126 странах, то теперь они остались только в 44, причина - финансовые проблемы. Прибавились новые направления - страны СНГ и Балтии.

В последние годы деятельность Росзарубежцентра по развитию международного сотрудничества на гуманитарном пространстве приобрела еще большее значение. В 1994 году Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами был преобразован в Российский центр международного научного и культурного сотрудничества. Возглавлявшую ССОД и Росзарубежцентр Валентину Терешкову, первую в мире женщину-космонавта, Ге-

ГЕОГРАФИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

роя Советского Союза сменила Элеонора Митрофанова, пришедшая в Росзарубежцентр с поста первого заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации. Ключевым направлением деятельности Росзарубежцентра остается культурно-просветительская работа. В российских центрах науки и культуры проходят музыкальные фестивали, кинопоказы, художественные выставки, организуются выступления российских творческих коллективов и известных деятелей культуры, работают школы, клубы, студии, объединения по интересам, библиотеки. Сотрудники Росзарубежцентра стремятся привлечь внимание зарубежной аудитории к знаменательным датам и событиям мировой и отечественной истории.

- Евгений Викторович, уже два года в Грузии существует представительство Росзарубежцентра. Давно говорится о необходимости создания информационно-культурного центра вашей организации в Тбилиси, однако до сих пор это намерение не реализовано.

- Несколько лет назад мы представили грузинской стороне проект межправительственного соглашения о создании информационно-культурных центров как в Тбилиси, так и в Москве. Грузинская сторона вносила поправки в проект, и мы их учитывали, предлагали новые варианты. Последний вариант был

ЦЕНТР РОСЗАРУБЕЖЦЕНТРА

предложен в июле 2004 года. По сей день происходит рассмотрение документа грузинской стороной. Нам объясняют, что идет процедура согласования с разными министерствами. Конечно, здесь многое определяется политической ситуацией.

А пока мы вынуждены арендовать помещение, оплачивать аппаратуру и т.д. Все это дорого, а государственные ассигнования ограничены...

Когда соглашение все-таки будет подписано, мы сможем купить участок земли и построить здание для Центра. Так что главным вопросом, который предстоит решить, остается подписание документа.

– *Сегодня у вас нет ни центра, ни здания. Как в таких условиях работает представительство Росзарубежцентра?*

– Мы можем оказывать организационное или финансовое содействие, что мы и делаем по мере возможности. Но нужны штаты. Одному не осилить весь объем работы. Приходится заниматься вопросами сотрудничества в области культуры, образования и науки, вести работу с соотечественниками – словом, весь гуманитарный блок... Для осуществления мероприятий привлекаем спонсоров. Открою секрет: нашему послу В. Чиквишвили удалось найти солидных спонсоров для юбилейных торжеств русского театра имени А. Грибоедова. Помогли мы и с решени-

ем ряда организационных вопросов. Юбилей театра – стал одновременно и поддержкой русского языка. А ведь это одно из основных направлений нашей работы. Реализация этой программы предполагает проведение олимпиад, конкурсов по русскому языку и естественным предметам, организацию курсов повышения квалификации учителей-русистов, в том числе преподавателей русского языка как иностранного.

Складывается впечатление, что в Грузии намечалась тенденция сокращения количества русскоязычных школ. Так, в соответствии с Законом об общем образовании, в русскоязычных школах вводится преподавание отдельных предметов (сначала – истории и географии) на грузинском языке. Если в прошлом учебном году было 167 русскоязычных школ (из них 55 – с русским языком обучения и 112 – с русскими секторами), то сейчас едва ли наберется десять школ с преподаванием всех предметов на русском языке и менее ста – с русским сектором. Объясняют это тем, что хотят улучшить систему образования и управления ею, повысить эффективность системы – словом, лучше учить. Предлог благовидный и придраться вроде не к чему. Когда, допустим, пять человек в классе, и денег нет, чтобы содержать учителя при таком мизерном числе учащихся. Поэтому, дескать, надо укрупнять, соединять и т.д. А если эта укрупненная школа будет находиться слишком далеко от места проживания учащихся, то как туда каждый день добираться? А ведь речь не только о русских, но и о тех, кто просто хочет учиться на русском языке. По данным переписи 2003 года в Грузии было всего 67 тысяч этнических русских. Парадоксально, но интерес к русскому языку в нынешнем году заметно вырос. Открываются платные курсы по его изучению. Многие выпускники хотят продолжать учебу в российских вузах. Не хватает квоты: 100 мест предоставляем Министерству образования и науки Грузии, 30 – соотечественникам. Причем в Россию едут лучшие – отличники, выдержавшие конкурс. Английский изучать сложнее, к тому же в России учиться дешевле, а уровень преподавания не хуже, чем в вузах дальнего зарубежья.

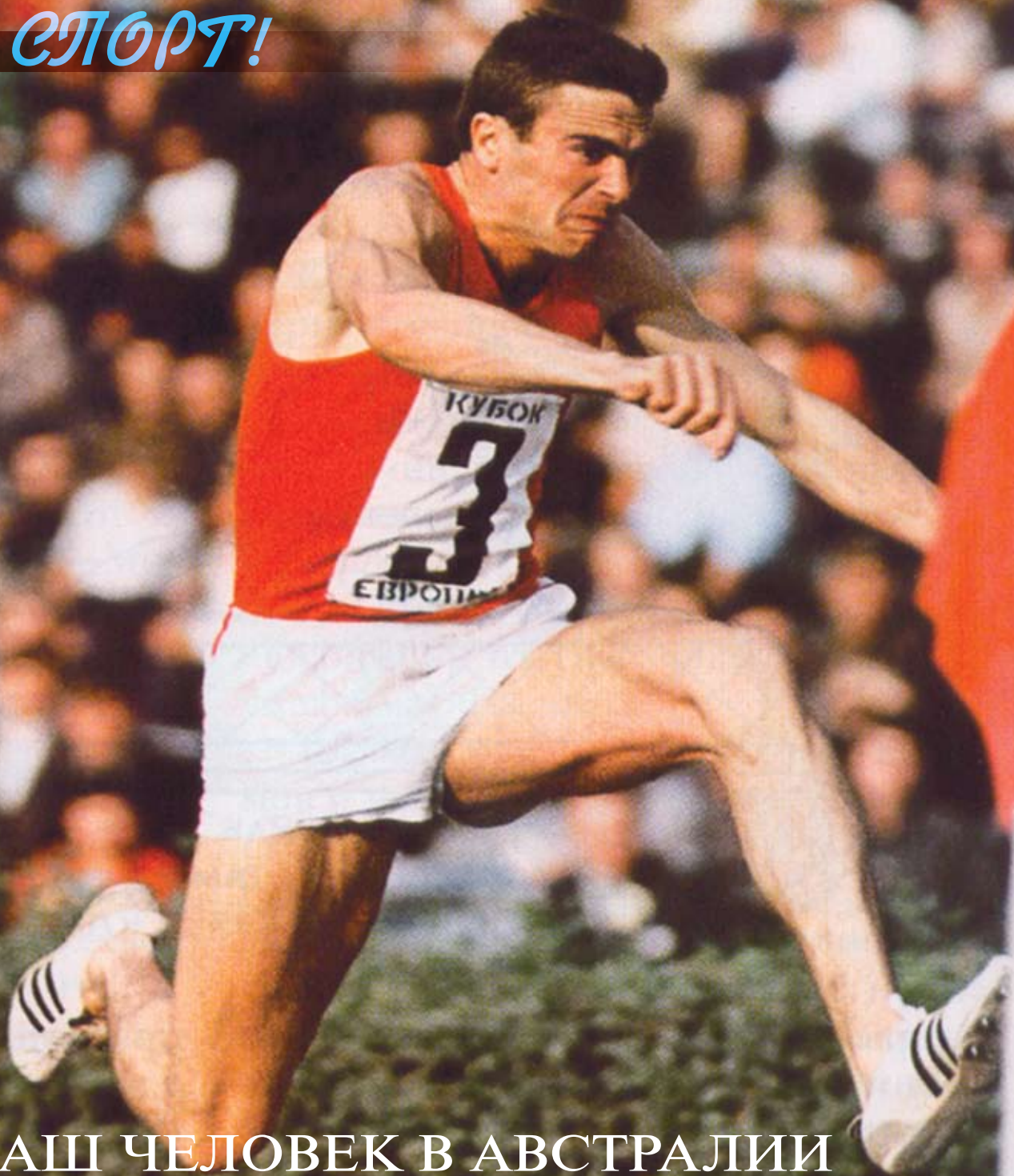
Элеонора Митрофанова

Еще одна проблема – учебники! Здесь практически нет учебников по русскому языку; как к стати, и программ для школ с русским языком обучения. Мы готовы поставлять в школы учебники, оборудование, но Министерство образования и науки Грузии не спешит рассматривать этот вопрос. Будем искать решение этой проблемы.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

О, СПОРТ!

НАШ ЧЕЛОВЕК В АВСТРАЛИИ

Виктору Санееву - 60. Эту славную круглую дату трехкратный олимпийский чемпион отметил в Тбилиси, куда прибыл по приглашению президента Грузии Михаила Саакашвили. Приезд Виктора Даниловича совпал с праздником осеннего благоденствия и дружбы «Тбилисоба», который обычно проводится в третьей декаде октября. В эти осенние дни к многочисленным спортивным наградам чемпиона добавилось звание Почетного гражданина Тбилиси. Президент страны вручил Виктору Санееву паспорт гражданина Грузии.

Из большого списка юбилейных мероприятий - приемов, встреч, посещений - самым волнующим стал

праздничный вечер 29 октября в Тбилиском академическом театре оперы и балета имени Захария Палиашвили, на котором юбиляра поздравляли выдающиеся спортсмены и деятели искусства, политики и бизнесмены, гости из 14 стран.

И еще одна волнующая новость с юбилейных торжеств - о сооружении в легенде спорта памятника при жизни, его решено воздвигнуть в 2007 году перед Тбилиским Дворцом спорта. Виктору Санееву поручается выполнять обязанности равно почетные и ответственные - он назначен олимпийским атташе грузинской спортивной делегации на Олимпиаде-2008 в Пекине.

Два десятка лет назад на тбилисских улицах можно было встретить автомашину, чей номер 17-39 многое говорил любителям спорта. Машина принадлежала Виктору Санееву, и строгие инспекторы ГАИ признали, что ездит он классно, как и прыгает.

17-39 возвращало в олимпийский Мехико, на карнавал рекордов, которые делали их обладателей небожителями в глазах восторженных мексиканцев. Одним из самых выдающихся рекордов стало достижение Виктора Санеева. По накалу страстей, по остроте сюжета соперничество в секторе тройного прыжка напоминало приключенческий фильм. Шесть участников смогли прыгнуть за гроссмейстерский рубеж 17 метров и в общей сложности восемь раз превысили мировой рекорд чемпиона Олимпиады-64 поляка Юзефа Шмидта.

Судьба золотой медали решилась в последней, шестой попытке. Когда Санеев готовился к главному прыжку в жизни, в душе его бушевала буря. Что-то ему кричали со своих мест тренеры Акоп Керселян

и Витольд Креер, но их голоса тонули в реве трибун. Он встал со скамейки, легко пробежался, разминаясь; вышел на старт прыжка. Все, к чему готовился вместе с наставниками, предстояло сделать сейчас. Настраиваясь перед прыжком, в этом внутреннем монологе спортсмена, он вспомнил свою короткую молодую жизнь: трудное детство, отца инвалида, прикованного к постели, мать, которой трудно было в одиночку зарабатывать на жизнь семье и вдобавок его с отцом обхаживать; себя рано повзрослевшего в аскетическом быту гантиадской школы-интерната, и огромное счастье приобщения к спорту.

Потом был стремительный разбег и ощущение непрерывного полета. В наступившей тишине он лежал в песочной яме для приземления, а на электронном табло горели магические цифры: 17,39. Нового, мирового рекорда – цена олимпийского золота. Свершилось – он победил в одном из самых сложных видов легкой атлетики.

Когда директор сухумской школы попросила Акопа Самвеловича посмотреть одного способного мальчика, она не подозревала, что просит за будущего олимпийского чемпиона. Шесть лет спустя тренер и ученик встретились снова, чтобы уже не расставаться. Виктор к тому времени увлекся баскетболом, вырос в центрового и капитана команды интерната. Керселян сманил рослого парня в легкую атлетику, убедил, что тройной прыжок сродни полету, и нигде больше не испытываешь такое чувство. Сообща они неспешно, от тренировки к тренировке, не гоняясь за легким успехом, приступили к накоплению базы физических качеств, без которых нет высших достижений. На первых порах тренеру приходилось прогонять Санеева со стадиона – он уже тогда был тружеником в спорте.

Через год Виктор показывал результаты первого разряда в беге на 100 метров, в прыжках в длину и в тройном. В сезоне 1967 года он установил личный рекорд в тройном прыжке, впервые прыгнув за 16 метров, и прочно занял место в сборной команде страны.

Его первый наставник договорился с Витольдом Креером, обладателем трех бронзовых олимпийских медалей, об опеке молодого атлета. Одна из книг Витольда Анатольевича называлась «Ищу единомышленника» (вторая – «Тройной прыжок»). Отныне он нашел сразу двух. Триумvirат Санеев-Керселян-Креер ознаменовался покорением трех олимпийских вершин. Основания их покоились на прочном фундаменте силы и знаний, самостоятельности, жажде самоутверждения и лидерства Виктора. Рекомендуя его в олимпийскую команду перед Мексиканской олимпиадой, Креер сказал: «Санеев уже стал рекордсменом мира по тренировочным нагрузкам. Теперь он может стать рекордсменом в тройном прыжке!»

В Мехико и Монреале все решили последние, истинные чемпионские, прыжки. В Мюнхене же Санеев стал недосягаем для соперников уже после первой попытки, улетев на 17 м 35 см. При всех своих громких победах он оставался скромным и доброжелательным, выходил на старт традиционных соревнований на приз В. Санеева, соревновался и с малоизвестными атлетами, делясь опытом.

Не забуду, как понадобилось сделать беседу с ним. Звоню чемпиону, чтобы договориться о встрече, и слышу в ответ: «Зачем откладывать? Давайте побеседуем сейчас же, по телефону». Виктор Данилович готовился к Спартакиаде народов СССР. На вопрос, о чем мечтает в предолимпийском сезоне, ответил: «Чтобы не было травм».

Тройной прыжок – один из самых травматичных видов спорта. Во время второго толчка нога в доли секунды испытывает нагрузку под тысячу килограммов. А Санеев совершал сотни прыжков за тренировку. За

Три олимпийских чемпиона: Лери Хабелов, Виктор Санеев и Сергей Бубка

три-четыре года такой эксплуатации автомобили на части разлетаются.

- Советские прыгуны тройным показывают высокие результаты в залах, а одному из них – Геннадию Валюкевичу удалось улучшить ваш зимний рекорд страны.

- Все они – Валюкевич, Пискулин, Уудмяэ, очень перспективны. Отраднo, что после относительного затишья у нас выдвинулся ряд отличных прыгунов. До этого мне приходилось выступать, практически не встречая серьезных конкурентов.

- Считаете ли, что абсолютный мировой рекорд под угрозой?

- 18-метровый рубеж, думаю, не будет покорен в ближайшие годы. Для побития рекорда Оливейры нужны идеальные условия: высокогорье Мехико, исключительно благоприятная погода, отличная спортивная форма. Скорее всего, это удастся тому же бразильцу, которого я считаю идеалом прыгуна тройным. А он, кажется, собирается выступить только в олимпийской Москве...

Так более двадцатипяти лет назад отвечал мне легендарный чемпион.

На Московской олимпиаде 35-летний Виктор Санеев к трем золотым олимпийским медалям Мехико, Монреаля и Мюнхена добавил еще одну награду – серебряную, установив рекорд спортивного долголетия. И встреча его с Оливейрой в секторе для прыжков состоялась, как он предполагал. Никто из зарубежных соперников не подозревал, что за последние три недели Виктор сумел провести лишь три полноценные трени-

ровки – так беспокоила нога. Знали об этом лишь товарищи по команде. Яак Уудмяэ, как и полагал Санеев, прыгнул очень далеко – на 17,35 м. В третьей попытке. Рекордсмен мира Жоао Карлос де Оливейра улетает на 17,22. А у тбилисца только 17,04. Вздох прокатывается по трибунам лужниковского стадиона. Многие тогда решили про себя, что «старик» Санеев «не тянет», его просто не хватит на три оставшиеся попытки. Но сам он другого мнения. Чемпион, обычно прыгающий ровно на столько, сколько надо для победы. В пятой попытке он показывает 17,07, а в шестой – 17,24! И это при том, что встречный ветер в момент его прыжка равнялся 1,42 м в секунду, а в других попытках дул еще яростнее. Уудмяэ же совершил свой самый дальний, чемпионский прыжок при штиле. По мнению специалистов, встречный ветер отнял у Виктора только в последней попытке около двадцати сантиметров.

Сразу по окончании соревнований Яак Уудмяэ признал: «Если бы в последней попытке ветер хотя бы стоял на нуле, выиграл бы Санеев. Он прыгнул на 17,24 с жутким встречным ветром. При нуле это было бы 17,40 – 17,50. И это была бы заслуженная победа».

Не менее красноречиво мнение бронзового призера Московской олимпиады Жоао Карлоса де Оливейры: «Я видел, как трудно давался Виктору, моему давнему другу и сопернику, каждый прыжок. Я знал, что он еще не оправился после тяжелой травмы. Горжусь тем, что стоял на одном пьедестале с этим спортсменом, вписавшим столько ярких страниц в летопись моего вида спорта».

Добытая в этих условиях серебряная олимпийская медаль Виктора Санеева играет золотым блеском.

- Для меня, - сказал он, - огромное значение имело общественное признание моих заслуг. Я едва ли не единственный из легкоатлетов, кто удостоен всех высших орденов СССР: ордена Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. И родная Грузия воздала должное моим спортивным достижениям, наградив орденом Вахтанга Горгасала II степени, орденом Чести, Олимпийским орденом НОК. А я-то был простым спортсменом, работягой. А потому и по сей день очень горжусь и дорожу своими орденами.

Так говорит Виктор Санеев, названный в референдуме, проведенном Ассоциацией спортивных журналистов, лучшим спортсменом Грузии XX столетия.

Заслуженный мастер спорта, двукратный чемпион и обладатель Кубка Европы, семикратный чемпион страны, выпускник Сухумского института субтропических культур и Грузинского института физкультуры, он учился в аспирантуре, всерьез подумывал о тренерской работе, не подозревая, что жизнь заставит его совершить с семьей самый дальний прыжок – в Австралию, где в постсоветский период станет преподавать физкультуру в колледже и выполнять обязанности олимпийского атташе Грузии в Австралии.

Санееву повезло: по соседству живет грузинская семья еще из первой эмиграции, с нею в основном общается, иногда приглашает коллег-преподавателей колледжа, угощает шашлыками. Гости едят и нахваляются.

АРСЕН ЕРЕМЯН

НОВЫЙ ГОД ПО-ГРУЗИНСКИ

У нас в Грузии любят праздники. И тем более Новый год.

Праздновать начинают уже с католического Рождества, а заканчивают на Старый новый год. Работники искусств прихватывают еще и 14 января – День грузинского театра. Художественная элита не ограничивается одним застольем.

В предновогоднюю неделю частные галереи, а их в Тбилиси множество, открывают свои залы для выставки-продажи. Приберегая ради такого случая все самое-самое, к тому же, приправленное юмором. На рождественских экспозициях рядом с отличной живописью обязательно будет что-нибудь этакое – стена, отведенная новогодним маскам – на любой вкус, или напольная икебана из раскрашенного глиняного горшка для лобии, задрапированного в воздушный шелк, и украшенного небрежным букетом из золоченого венка. О керамической скульптуре, подсвечниках, кувшинах, ложках, плошках, хевсурской вышивке, аппликациях, эксклюзивных открытках и авторских коврах – тканых, валяных и еще Бог знает каких – и говорить излишне. Все это надо видеть, а еще лучше – иметь.

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

И сегодня в наших домах, вполне мирно уживаясь с новогодней елкой, стоит чичилаки, словно изящная, маленькая белокурая балерина, и будто вокруг нее все становится свежим, настоящим и дышит иначе: чуть расправляет плечи деревянный шкаф, приготовившись к галантному поклону, незаметно выпрямляются, меняют осанку деревянные стулья, пытаются повернуться в сторону очаровательной девушки, и вот-вот начнется тихий, неспешный разговор. Обо всем на свете. И хочется только пожелать такой же гармонии в душе, желанных гостей и каждому иметь в доме человека со счастливой ногой.

ИННА КУЛИШОВА

ВОЗВЫШЕНИЕ ДУШИ

Николай Бурляев. Тонкий актер, интеллектуал, глубоко верующий человек. Он запомнился многими своими киноролями. В первую очередь, сыгранными в фильмах Андрея Тарковского «Иваново детство» и «Андрей Рублев». В Бурляеве режиссер нашел «своего» актера - одухотворенного, мыслящего, эмоционального. Нервность, ранимость его героев сочетается с необычайной цельностью натуры, силой характера. Наверное, не случайно Бурляеву было предложено воплотить на экране образ самого Иешуа Га-Ноцри из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. Правда, фильм Юрия Кары пока не вышел на экран. Зрители видели только фрагменты картины. Недавно кадры из «Мастера и Маргариты» показали и тбилисцам - на творческом вечере актера и режиссера, который прошел в кинотеатре «Руставели». А повод для этого был самый подходящий: в Тбилиси открылся кино клуб «Золотой витязь». Так называется международный кинофорум, возглавляемый Николаем Бурляевым. Эта организация ориентирована не на коммерческое, а на элитарное кино, нравственные христианские ценности. Николай Бурляев - горячий противник рыночного кинематографа. Об этом он много говорил и в Тбилиси, где был показан фильм «Андрей Рублев».

Вечер был посвящен памяти Андрея Тарковского.

Николай Бурляев вспоминал своего духовного учителя, рассказывал о «Золотом витязе». Это благое дело, направленное на сохранение нравственных традиций кино, он уподобил отлитою колокола его Бориской из фильма «Андрей Рублев».

- Я смотрю другое кино, - сказал Н. Бурляев. - Когда я брался за «Золотого витязя», то думал: «А что я буду показывать? Существует ли оно, настоящее, некоммерческое кино?» Но когда начал работать практически, то понял: мои сомнения беспочвенны. Не убита душа кинематографа! Просто надо было собрать все настоящее, и мы это сделали. Есть немало примеров прекрасного игрового кино. К примеру, замечательно работает Александр Сокуров. Его «Русский ковчег» - потрясающая работа. Это как запуск Юрия Гагарина в космос. И никто после Сокурова не отважится на подобный эксперимент - одним кадром на таком высочайшем уровне создать фильм, длящийся один час сорок минут... Одним кадром выстроить панораму по Зимнему дворцу, по эпохам. С массовками, оркестром Валерия Гергиева. Все потрясающе одеты, все сделано просто классно! Один кадр, четыре дубля! Первые три были испорчены, четвертый получился... И последний кадр. Кажется, чем еще может удивить режиссер после того, как поднял нас на такую высоту? Но удивил: в финале открываются двери Зимнего дворца, лестницы и... тысяч шесть людей, спускающихся вниз после бала. Это просто фантастика! На нынешний кинофорум Александр Сокуров привез фильм «Солнце». Трудно войти в духовное русло этого режиссера, но потом, когда войдешь, невозможно оторваться.

Продюсер В. Шторм, кинорежиссер Д. Окропиридзе и Н. Бурляев с супругой

Но, по-моему, больше удач в документальном кино. Я привез для клуба шесть-семь эталонных работ. Здесь есть подлинные открытия, и люди ближе к Господу, чем в игровом кино. Экран должен быть в идеале иконой... Помогать людям выходить к Богу, а не падать в бездну.

Рассказал Бурляев и о своей работе в фильме «Мастер и Маргарита»:

- Сначала мне предложили роль Ивана Бездомного. Но я сказал, что это мне не интересно. Есть лишь один герой, которого я бы сыграл. И по гордыне своей

сказал, что только я это и могу сделать в русском кино – сыграть Иешуа Га-Ноцри... Фильм так и не вышел на экраны – наверное, я был наказан за гордыню.

«Маленькие трагедии» – хорошо. Это Пушкин, режиссер Михаил Швейцер, партнер Иннокентий Смоктуновский. Но этот фильм не попал в разряд выделяемых мною работ, к которым причастен. Новелла «Пир во время чумы» очень далека от того, что написал Пушкин. Главный герой Вальсингам – это сам Александр Сергеевич. На эту роль был приглашен очень нервный актер и увел от Пушкина к Достоевскому... А в ряду лучших моих картин – «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Военно-полевой роман», «Лермонтов», мой дипломный фильм «Ванька-каин». Это – главное.

В Тбилиси состоялась встреча Николая Бурляева с Католикосом-Патриархом Всея Грузии Святейшим и Блаженнейшим Илий II.

– Я просто счастлив, что близко увидел эту душу. И патриарх благословил наше начинание – открытие киноклуба, стремление показывать самое лучшее кино, собранное нами за пятнадцать лет существования «Витязя». Патриархом мне подарена икона Иверской Божьей матери, которая отныне всегда будет в нашем доме. А потом состоялась наша встреча с министром культуры Георгием Габашвили. С ним мы договорились о том, что он будет поддерживать наши контакты. Это не должно

я привез в Грузию и оставил в начальной коллекции клуба «Золотой витязь» – он посвящен Николаю Мордвинову, одному из лучших русских актеров XX века, с которым я в молодости играл в академическом театре имени Моссовета у Юрия Завадского. В этом театре я работал вместе с классиками сцены Любовью Орловой, Верой Марецкой, Фаиной Раневской, Серафимой Бирман, Ростиславом Пляттом и Николаем Мордвиновым. И этим фильмом я отдал дань памяти учителя...

Между министрами культуры двух стран уже существует договор о сотрудничестве в области театра. Я договорился с господином Габашвили о том, что он будет почетным гостем XV юбилейного кинофорума «Золотой витязь», который пройдет в мае будущего года в Московской области, и IV театрального форума «Золотой витязь» – он состоится в Москве или в Минске, и в нем должен принять участие и грузинский театр. На III театральном форуме в Минске показали свое искусство 41 театр. Увы, не было из Грузии... Иногда задаюсь вопросом: а Божье ли это дело – театр? Многие духовные деятели говорили: «Да, это путь ко храму, только с заднего крыльца». Сценическое искусство больше будоражит, искушает, чем помогает. И мы собрали то, что относится к нашему девизу: «За нравственные христианские идеалы!» Было представлено 10-15 эталонных спектаклей. Да, театр может быть богоугодным делом, возвышать душу человека... И мы будем это начинание развивать.

Как рассказала на пресс-конференции продюсер Виктория Шторм, в Тбилиси было принято решение создать культурный фонд, который содействовал бы развитию кино, других видов искусства, а также защите и реставрации культурных памятников Грузии.

– От Министерства культуры мы получили поддержку этих идей. Нам обещали помогать. Чем больше людей воспримут и поддержат наши инициативы, тем больше надежды, что киноclub и фестиваль будут развиваться, и через несколько лет, возможно, «Золотой витязь» пройдет здесь, в Тбилиси. Ведь Грузия – страна глубоко духовная.

Николай Бурляев отметил интересный факт: вице-президентом «Витязя» от Грузии является Резо Чхеидзе.

– Он мне показывал свой новый фильм, который рождается благодаря «Золотому витязю», – рассказал Н. Бурляев. – Сценарий картины получил приз нашего кинофорума, что позволило ее создателям получить поддержку российской стороны. Вас ждет очень интересная работа. В Грузию должен возвратиться благодатный огонь православной веры. Тогда ваша страна вновь поднимется. Как сказал Сергей Радонежский, любовью и единством спасемся. К этому мы и должны идти.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

фото Г. Цопавашили

быть инициативой только двух прекрасных женщин – продюсера Виктории Шторм и киноведа Дали Окропиридзе, которые захотели помочь нам увидеться. Так что министр будет содействовать укреплению наших контактов в области кино, чтобы мы осуществляли совместные кинопроекты и «Золотой витязь» стал и кинопроизводящей организацией. В прошлом году при поддержке Министерства культуры России мы создали два полнометражных документальных фильма, и я впервые выступил в качестве генпродюсера. Один из фильмов

При виде аккуратно выбеленных домиков с резными окнами и ставнями, выкрашенными голубой краской, узорчатыми крышами в петухах, цветущими палисадниками и кувшинами на изгороди невольно испытываешь желание протереть глаза, чтобы убедиться в том, что окружающее тебя не сон. И в самом деле, откуда в Грузии, на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, в окружении диких гор типичная, до мелочи, до завалинки, до журавля над колодцем русская деревня?! Это не сон, это Гореловка – одно из сел духоборцев, переселенных сюда, на Кавказ, из России еще в 40-е годы XIX века.

Жители села с типично русскими лицами; женщины в белоснежных платках на головах, мужчины с

окладистыми бородами, белокрысые детишки с яркосиними глазами. А услышав речи сельчан, еще больше удивляешься: такого русского языка, полностью лишённого примитивных неологизмов и иностранных заимствований, поразительно чистого и живого редко услышишь и в России.

Печальна история духоборческой общины, возникшей в России во второй половине XVIII века в знак протеста против обрядности и догм официальной церкви.

В 1750 году в Тамбовской губернии России появился человек, который стал объединять вокруг себя людей, проповедуя духоборчество, отрицавшее рукотворные атрибуты веры.

“Святая пещера”

Савелий Капустин, так звали нового пророка, объяснил, что Бог живет в душе каждого человека, а крест и икона лишь мишура, созданная священниками. «Со злом нужно бороться своим духом, верой», – говорил Савелий. Отсюда произошло и название последователей этих догм – «духоборцы».

Общение с Богом у верующих духоборцев происходит под руководством старейших общины в специальных домах. Духоборцы отличаются большим радикализмом: они отвергали канонический текст Библии, руководствовались священными преданиями в виде стихов – псалмов, объединенных в устную «Книгу жизни». Приняв евангельскую заповедь «не убий», они выступали против любой службы в армии, чем вызывали недовольство правителей царской России.

По императорскому указу Александра I 1802 года духоборцам Екатеринославской, Харьковской, Тамбовской и других губерний разрешили переселиться в Запорожье, на пустопорожные земли по реке Молочной в Мелитопольском уезде, где их опальная жизнь длилась всего 36 лет. Духоборцы вновь попали в немилость, и им пришлось искать землю обетованную.

Место для переселения было выбрано ими не-

Село Гореловка

спроста. Кавказ издревле считался святой землей, неоднократно упоминавшейся в Библии. Переселившись в Грузию, в пограничный Ахалкалакский уезд Тифлисской губернии в 1841 году, высокогорный, суровый в климатических условиях край, первую зиму духоборцы провели в земляной балке, которая носит название Терпения.

Более семи тысяч человек погибло в ту лютую зиму от холода, голода, болезней, и, тем не менее, люди выстояли, выдюжили, построили вдоль берегов Паравани восемь красивых деревень с названиями, перенесенными из духоворческих сел Запорожья – Богдановка, Гореловка, Орловка, Тамбовка, Калинино, Ефремовка, Родионовка, Спасовка.

Уникальные сведения о жизни и событиях в духоворческой общине, увы, на сегодняшний день восстановить не возможно. Все ценные бумаги и золотой запас, кстати немалый, были изъяты в 20-30 годах XX века при советской власти.

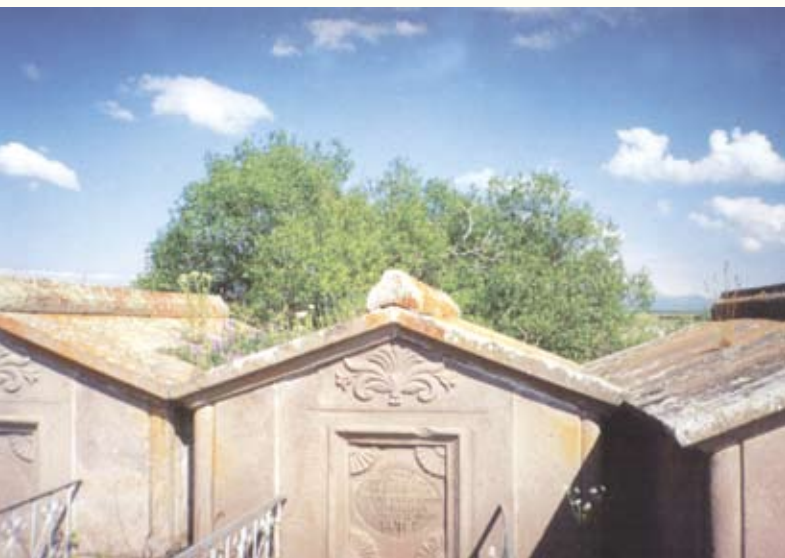
На первом этапе переселения духоворцы жили в сравнительной изоляции от коренных народов, и в процессе адаптации опирались главным образом на

ми, вдоль стен расположены лавки. На окнах кружевные рушники, а ставни расписаны орнаментом с изображением полевых цветов, растущих в глубинке России.

Входят в молельный зал через две двери: через одну – женщины, через другую – мужчины. Рядом с залом находится комната с кухонной утварью, где готовят еду, чтобы напоить и накормить всех жаждущих и голодных.

Во дворе «Сиротского дома» стоит огромный камень – монумент с фамилиями праведников – духоворцев, похороненных на территории близ Гореловки, называемой «могилками святых», почитаемыми духоворцами во всем мире.

Особо почитаема Лукерья Калмыкова, сильная волевая женщина, сумевшая долгие годы руководить

Святые могилки

традиционную для них культуру. Для своих поселений выбирали места с таким расчетом, чтобы иметь возможность организовать хозяйство так, как они привыкли вести его у себя на родине.

Надо отметить, что духоворцев отличает своеобразная консервация традиционной модели репродукции, и поныне сохраняются относительно более высокие показатели рождаемости. Межнациональные браки среди русских староверов до сих пор исчисляются единицами.

В центре самого большого села – Гореловки расположен молельный дом – «Сиротский дом», получивший свое название оттого, что здесь еще в прошлом веке кормили детей и всех нуждающихся. «Сиротский дом» состоит из нескольких строений. В середине территории, огражденной красивым палисадником, раскрашенным в голубой и белый цвета с росписями стоит двухэтажный терем (иначе не назовешь его, настолько он сказочно красив). В этом доме-тереме жила Лукерья Калмыкова – первая женщина, возглавлявшая общину духоворцев. Она достроила «Сиротский дом», который начал строить в 1847 году ее супруг Петр Илларионович Калмыков, правнук Савелия Капустина.

В «Сиротском доме», в специально построенных покоях собираются духоворцы для общения со всевышним. Комнаты просторные, с русскими печка-

многотысячной общиной своих единоверцев. Соблюдая все догмы вероисповедания. Между прочим, если какой-либо из догматов духоворческого вероучения и сохранился, то это отказ от воинской повинности. Но в 1887 году на Кавказе была введена всеобщая воинская повинность, после которой стали призывать и духоворцев, доселе освобождаемых от воинской службы.

Но беды не оставляли духоворцев. 29 июня 1895 года произошло событие – миротворческий акт духоворческой общины. В пещерке, расположенной недалеко от Гореловки, духоворцы сожгли собранное со всей общины оружие в знак протеста против зла и насилия. Мужчины отказались служить в армии.

Царское правительство за это наказало общину: всех мужчин избили плетью, а старейшин посадили в тифлисский острог.

Духоборцев, преследуемых царским самодержавием, защищало все прогрессивное общественное мнение. Огромна роль Л. Н. Толстого в поддержке духоборческой общины, ведь именно она первая на практике осуществила его идеи непротивления злу насилием. «Вы первые показываете пример хождения по пути Христову...», – писал Лев Николаевич духоборцам.

Видная грузинская общественная деятельница Е. П. Накашидзе первой обратила внимание Л. Н. Толстого на положение духоборцев.

И с этих пор великий писатель стал покровителем духоборческой общины. Именно с его помощью и финансовой поддержки многих русских меценатов было организовано переселение духоборцев в Канаду. Первый пароход «Лэк Гурон» с партией духоборцев прибыл в Канаду во второй половине января 1899 года. Л. Н. Толстой много сил и средств (в частности, гонорар от издания романа «Воскресенье») отдал, чтобы обеспечить хорошие условия для переезда переселяемых. Духоборцы в чужой стране, не зная языка и обычаев, были бы беспомощными, поэтому Толстой послал с духоборцами сопровождающих – 20 человек – врачей, переводчиков, юристов, среди них и своего сына, Сергея Львовича.

В настоящее время в Канаде самая большая духоборческая община в мире – 30-40 тысяч человек. Живут духоборцы в основном на западе Канады – в Бри-

танской Колумбии (города Бриллиант, Коссельгард, Гранд-Форт), в провинции Альберта – поселки Архангельское и Мирный. Руководитель канадской духоборческой общины Иван Иванович Веригин говорит на чистейшем старинном русском языке, правда, сегодня не все канадские духоборцы знают русский язык (сказывается ассимиляция), но все чтят «святые места» в Гореловке, стараются по мере возможности приезжать на поклонение к «святым могилкам», к духоборческим ценностям всего мира.

В Гореловке находится русская школа – свидетельство деяний Л. Н. Толстого – построенная на его жертвования. До сих пор эта школа стараниями духо-

борцев в отличном состоянии, в ней учатся более 100 детей. В октябре 2003 года по ходатайству «Русского клуба» и Союза русских женщин Грузии «Ярославна», а также при поддержке Министерства образования Грузии школе было присвоено имя Л. Н. Толстого, а троим педагогам и директору школы были вручены правительственные награды.

На сегодняшний день из восьми духоборческих сел в Грузии сохранились лишь более населенными село Гореловка и село Орловка.

В общине свято берегут обычаи, традиции, национальную одежду предков. Сохранена и вера. В «Сиротском доме» каждое воскресенье проходят заутрени – моления с чтением псалмов. Много изменилось. Нет при «Сиротском доме» общей казны, амбаров, не живут здесь старейшины общины, как это было в прежние времена. Молодежь редко заглядывает в «Сиротский дом», практически не знает молитв.

Как говорит руководитель духоборческой общины Грузии Татьяна Тихонова, из более шести-семи тысяч духоборцев, проживавших в Грузии в конце восьмидесятих годов XX столетия, осталось не более 800 человек, и в основном 50-70-летние.

Многие духоборцы в тяжелые годы после распада Советского Союза переселились в Россию, в Тульскую и Брянскую области. Страх и неуверенность в завтрашнем дне, безработица всколыхнули духоборцев и вынудили часть на переселение. Но, к сожалению, нарушение духовного единства привело к тому, что многие духоборцы растворяются в общей массе.

30 июня 2001 года в Гореловке отмечали 160-летие переселения духоборцев в Грузию. Много гостей съехалось на праздник из России, Канады, со всех уголков Грузии. Мне посчастливилось присутствовать на этом празднике. Центральная улица Гореловки была похожа на цветник – женщины, одетые в национальные костюмы: яркие цветные блузки, широкие в оборках юбки с белыми кружевными передниками, косыночки, расшитые мелкими цветочками. Звучала гармонь, исполнялись старинные русские песни и пляски. В этот день замечательному краю, где живут духоборцы – трудолюбивые, приветливые, добрые люди с чистыми мудрыми глазами, проповедующие вечные ценности «не убий, не обидь, накорми, помоги», был присвоен статус музея-заповедника русской духоборческой культуры, зодчества и быта, центра святынь духоборцев всего мира.

Уезжая из Гореловки, я обратила внимание на аистов. Почти на каждом столбе они свили громадные гнезда. А ведь существует поверье, что аисты вьют гнезда там, где добро, чистота, счастье и любовь.

Мне так хочется, чтобы у духоборцев все устроилось. Сколько же им еще скитаться?

Все в нашем мире восходит к простому и вечному – общечеловеческим ценностям. Великому немецкому философу-идеалисту Иммануилу Канту принадлежат поистине сокровенные слова: «Две вещи наполняют душу вечно новым и более сильным удивлением и благоговением ... это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

АЛЛА БЕЖЕНЦЕВА

Диалог культур

«Если ты поедешь на Кавказ, - уверял Лермонтов своего друга Раевского, - ты вернешься поэтом». «Странное дело! - вторил ему В.Г.Белинский. - Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной!» Так воспринимали Кавказ - и более всего Грузию («Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен», А.С.Пушкин) - российские поэты, литераторы XIX и XX века. «В Грузии, - писал Кюхельбекер, - небо ничуть не хуже итальянского, а гранатовые рощи, сто верст южнее Тифлиса, стоят здешних [итальянских] лимонных и померанцевых». Грузия, где «Поэзия - прежде всего» (Галактион), платила ответной любовью русским поэтам в течение двух столетий. Начать хотя бы с того, что именно в Тифлисе и только раз в жизни Пушкину по-настоящему пышно справили день рождения, неся его на руках в знаменитые тифлисские сады, с песнями, танцами, вином. XX век почти что подхватил эстафету романтическо-винного ореола родины поэтов. «Мы были в Грузии. Помножим/Нужду на нежность, ад на рай,/Теплицу льдам возьмем подношьем,/И мы получим этот край», Борис Пастернак. «Кахетинское густое/Хорошо в подвале пить, -/ Там в прохладе, там в покое/Пейте вдоволь, пейте двое,/Одному не надо пить!», Осип Мандельштам. Сергей Есенин: «Я - северный ваш друг/И брат!/Поэты - все единой крови./И сам я тоже азиат/В поступках, в помыслах и слове». Одно из лучших стихотворений, когда-либо посвященных Грузии, написал А.Кушнер. Вот заключительный куплет: «Само собой, и здания, и люди!/Но погибать я буду - за балкончик/Я ухвачусь - и выскочу из жуты,/И вытру пыль, и скомкаю платочек./Меня любовь держала - обвалилась./Всех тянет вниз, так не сдавайся ты хоть./Ах, Грузия, ты в этой жизни - милость,/Пристройка к ней, прибежище и прихоть!». Б.Ахмадулина, долго видевшая «Сны о Грузии», сравнительно недавно заметила: «Я не поэтому туда не еду, что я боюсь увидеть разруху. Не разруху, а разлуку». Узы Музы, связывающие Грузию с российской культурой, ослабели в последнее десятилетие, по крайней мере. Елена Фанайлова, современная русская поэтесса, будучи в Грузии, говорила: «Грузинская и русская поэзия забыли друг друга. О способах культурного воспоминания, о восстановлении прерванного диалога русские и грузины спорили, и довольно жестоко, во время встречи литераторов, которая проходила в бывшей советской Коллегии переводчиков в Тбилиси». Вслед за ней мысль продолжил литературный критик Вячеслав Курицын: «Для того чтобы процесс шел, для того чтобы поэзия развивалась, чтобы она нормально функционировала в обществе, доходила до людей, причем именно до тех людей, которым нужны именно эти стихи, ... нужны не только критики, но и литературные клубы, издания, литературные премии».

В рубрике «Диалог культур» мы будем встречаться с людьми различных поколений и взглядов, представляющих сегодня грузинскую и русскую культуру. Что и как сегодня думает молодое и не очень молодое поколение? Какие они - сиречь каждый из нас, отдельные, непонятные и понятные друг другу и самим себе? Зачем и кому мы нужны и нужны ли? Мы - из разного возраста и времени, из разного или похожего детства, из разных или одного языка, культуры, литературы, страны, веры, системы ценностей.

Ведущая рубрики Инна Кулишова

«НАДО УМЕТЬ ЖИТЬ НА ЛИТЕРАТУРНЫХ ФИЛИППИНАХ...»

ШОТА ИАТАШВИЛИ. Родился в 1966 году в Тбилиси. Прозаик, поэт, переводчик, арт-критик. Автор семи поэтических сборников, трех сборников рассказов и одного романа под псевдонимом, двух сборников переводов: «Американские поэты» и эссеистики Сьюзан Зонтаг. На грузинский язык перевел современных русских поэтов Д. Пригова, А. Алексина, А. Анашевича, С. Львовского, Е. Фанайлову, М. Амелина, И. Кузнецову, И. Кукулина и других. В «Дружбе народов» была напечатана его повесть «Больной город». Принимал участие в фестивале нового грузинского искусства «АртГруз» (Москва, проект О.Г.И.) и «Re: АртГруз» в Тбилиси. В 2004 году вместе с российскими и украинскими писателями принимал участие в проекте «Шелковый путь поэзии» (Одесса-Поти-Батуми) и в том же году - в Ясной Поляне на IX Международных писательских встречах. Главный редактор издательства и литературного журнала «Альтернатива». Его произведения переведены на русский, немецкий, английский, азербайджанский и албанский языки.

- Все прежние русско-грузинские литературные связи - «старый запас». Что происходит сейчас, надо все со-

здавать заново или есть еще база, на которой можно построить взаимоотношения грузинских и русских литераторов? Насколько силен интерес к русской литературе и какого он качества?

- Я так думаю, что интерес довольно силен в том смысле, что русская литература понимается как первостепенная часть мировой литературы, и те фигуры, которые сегодня очень хорошо видны, заметны в литературном мире России, у нас читаются. Но дело в том, что когда я немного глубже «залез» в современную русскую литературу, я понял, что тут, как и везде: чуть в глубину пойдешь и убедишься, насколько там интереснее, чем все, что лежит на поверхности. И в поэзии, и в прозе.

- Интерес, в первую очередь, возникает к фигурам, которые известны в литературном мире...

- Просто других не знают. Например, я был в Ясной Поляне, и туда приехал Юрий Малышев, у него есть роман «Лис». Многие писатели, очень или менее известные, в разное время дарили мне свои книги. Но из всего, что я читал в современной русской литературе, его роман, думаю, один из лучших по сравнению

с тем, что в последнее время создавалось. Что касается «старых запасов» – этого русла не надо терять. Что есть – есть, много практики, существуют каналы. Но на что я часто натываюсь: когда речь идет о печати, то возникает такое отношение, что если ты грузинский литератор, то иди и печатайся в «Дружбе народов». Как будто, на первый взгляд, спектр русских литературных журналов и газет широк, но все-таки...

- Однако проводились различные совместные мероприятия, которые мы с тобой знаем, ты один из их активных участников, современные грузинские поэты и писатели ездили в Москву, и оттуда довольно многочисленная группа приезжала сюда. «Шелковый путь поэзии», семинар переводчиков в Переделкино и т.д. Сегодняшний интерес русских поэтов, писателей к грузинской литературе – экзотический, этнографический или все-таки метафизический? Чистое любопытство или какая-то метафизика все-таки есть?

- Я думаю, что интерес не только и не столько, скажем, географический. Историография переходит в метафизику. Если человек – русский писатель, значит, он хорошо знает свою литературу, и у него уже в голове складывается образ Грузии.

- Стереотип или образ?

- Образ, и такой образ, который очень притягивает, в котором существует много вопросов, и есть желание самому испытать что такое Грузия. Раскрываешь томик, например, Пушкина, Лермонтова, или, допустим, Беллы Ахмадулиной, и везде, в разные временные периоды видишь, насколько этот образ силен в русской словесности. Иногда доходит до курьезов: например, тот же Ю.Малышев в первый день моего приезда в Ясную Поляну подошел ко мне со словами: «Я с ума схожу от грузин!» А через несколько минут выяснилось, что он вообще не знаком с грузинами. Я оказался первым человеком, с кем он мог реально, воочию, пообщаться. Понимаешь, его «сумасшествие» было чисто литературной болезнью.

- Есть еще некая историческая поэтическая память.

- Память, которая фатальна для русских, они не смогут от нее освободиться. И это рождает одновременно и некое отторжение, неприязнь, и большую любовь – смотря в ком. Главное, что для любого русского грузин, если говорить образно, не нейтрон, он всегда несет свой особый заряд, и прежде всего потому, что за его спиной стоят не только Руставели или Гурамишвили, но Пастернак и Заболоцкий тоже.

- После перестройки, когда открылся больший доступ вообще к литературе, в грузинской культурной среде значительно возрос интерес к западной – действительно великой – литературе. На этом фоне интерес к русской культуре равноценен?

- Для нашего поколения, то есть 30-40-летних, наверное, равноценен, но для молодого уже нет. 20-летние тянутся больше к Западу.

- В начале 90-х годов ты с группой поэтов создал поэтический орден «Хронофаги» («Пожиратели времени»), и в голодное для Грузии время вы ходили по пустым гастрономам и читали стихи. Вместо обычной давали ду-

ховную пищу, и у вас было довольно много слушателей. Сегодня такое возможно?

- Теоретически возможно. Когда человек только начинает выходить на литературную арену, у него часто возникает тяга к эпатажу. Ему надо, чтобы его приняли, запомнили. Это происходит подсознательно, но и сознательно тоже бывает. Сейчас уже масс-медиа эту функцию выполняет, и через нее сразу можно прорваться и таким способом быстро стать знаменитым и успокоиться. А тогда, да и всегда бывало, футуристы, авангардисты подобные акции делали. Почему? Потому что это была такая форма...

- Форма самоподачи...

- Да. А сейчас уже все успокоилось. Успокоились, потому что не надо все так усложнять. И если даже нечто аналогичное делаешь – просто для того, чтобы телевизионщики набежали и все это бы показали, и поэтому энергетика уже не та.

- То есть сегодняшние 20-летние, которые хотят идти напрямую к читателям, уже не стали бы обходить гастрономы, никому это не интересно, как раньше?

- Я об этом и говорю. Сейчас, может, если кто-то и сделает нечто подобное, его сочтут юродивым, но в негативном смысле. А тогда футуристы, да и мы, может быть, в 90-е годы, тоже были юродивыми, но в позитивном плане. Сегодня же потенциальные устроители подобных акций такими «плохими юродивыми» окажутся в глазах общества, и даже в артистических – казалось бы, демократичных – кругах.

- В связи с этим вопрос. В Грузии традиционно считалось, что к поэтам особое отношение, почитание, вплоть до называния по имени: Галактион, Акакий и т.д. И, тем не менее, обычно у поэтов была тяжелая жизнь. Получается, что сегодня изменилось и отношение к поэтам вообще?

- Сейчас уже укоренился новый стереотип, что поэт – только поэт, и он не является чем-то особым для своей страны, для общества.

- То есть не национальная ценность?

- И в этом плане, и в том, что он каким-то образом меняет жизнь, влияет на многое, и, знаешь, я думаю, что такое должно было произойти, и это нормально, и в каком-то смысле даже хорошо. Надо было изменить тот, другой, стереотип, который был создан во времена Советского Союза – когда поэт становился идеологом. Иногда даже ярким идеологом. Просто нужно понять, что ту словесную ауру или, иначе говоря, поэтическую речь не стоит приравнивать только к одной общей идеологии. Хорошая литература всегда несет идеологию, и это слово не такое уж негативное, каким мы привыкли его воспринимать. Поэтическая образность, мышление основано не на истовой и бесцветной, но на истинной, индивидуальной идеологии, и это не может не влиять на страну, и, в конечном итоге, все-таки поэт, писатель остается таким человеком, который очень многое изменяет.

- В твоей повести «Больной город» старец Мафусаил так и говорит, что во всем виноваты поэты, и в одном из своих интервью в России ты заметил, что поэтам надо объединяться, чтобы изменить мир. Неужели надо

объединяться, ведь в одиночку поэт сильнее (кстати, помнишь, Лев Гумилев считал, что личности меняют историю)?

- Я писал повесть очень давно, в начале 90-х годов, когда в Грузии как раз была насущной проблема разъединения, все существовало порознь, и просто в моем случае это была реакция: раз все разъединились, хотя бы поэты должны быть вместе (*смеется*) и понимать друг друга. Никто никого не понимал. Дело было в этом. И сейчас самая большая проблема в том, что люди - политик, бизнесмен, художник - разговарива-

- Не обязательно следить. Если будешь в России жить, то тогда это возможно. Но как бы ты ни захотел, отсюда все ценное не прочтешь и все равно что-то пропустишь. Однако не надо это драматизировать. Просто принять как нечто объективное, так всегда было. Тем более в современном мире. Есть такое понятие на грузинском: «бедисцера», то есть «предопределение, судьба, рок». Ты родился в XX столетии, сейчас живешь в XXI веке в Грузии, значит, ты ограничен чем-то, и ты должен знать, что чем больше прозрачным мир становится, тем больше становится он смутным. Прозрач-

К. Кубанеишвили, Ш. Иаташвили и Д.А. Пригов

ют на разных языках. И вообще контакта, понимания мало, одни и те же слова по-разному понимаются, и поэты сегодня должны объединяться в том смысле, чтобы просто улавливать смысл того, что сказал другой поэт. Правильно улавливать. Потому что неверные интерпретации разрушают отношения, все рушат.

- Даже в пределах одной культурной общности?

- Да. Ну это как метафору можно понимать. Они могут быть в разных литературных лагерях. Можно так и сказать, что сейчас - литературные Филиппины: очень много островов, и это хорошо, но Филиппины же одно единое государство. Мы должны жить так: на своих островах, но в одном государстве.

- Я пишу по-русски, ты по-грузински, живем в одном городе, и как нам следить за литературным процессом в России? Мы не находимся в едином поле информации...

ность рождает смутность. Просто надо спокойно относиться к данности: ты же все-таки находишь то, что тебе, твоей душе нужно. Ты же не обязан все хорошее прочесть, а даже если бы и был обязан, все-таки не прочтешь. Хорошие тексты ты находишь. Самая лучшая возможность, конечно, - если у тебя есть друзья, и они что-то советуют. Больше ничего не могу сказать.

- Кроме Мальшева, какая книга, какой человек из современной русской культурной жизни для тебя стали событием и открытием?

- Например, Александр Анашевич. Я его переводил в начале 90-х годов. Его и Станислава Львовского. Через 8-9 лет я с ними познакомился, когда они приехали в Тбилиси. И когда я нашел и показал им старые публикации, Львовский удивился: да, говорит, в редакции мне дали ксерокс, но не думал, что со своим перевод-

чиком повстречаюсь. Когда мы подборку готовили в начале 90-х годов в «Рубикони», выходила такая литературная газета, почему-то из многих я избрал именно этих авторов. В принципе я хочу остановиться на Анашевиче. После этого я много раз его переводил. Сейчас в журнале «Новые переводы» («Ахали таргманеби») я сделал подборку переводов Д.А.Пригова, Алехина, Амелина, Анашевича, Кузнецовой – почти все на «А» начинаются...

- Будем считать, что это начало алфавита, а впереди сколько еще букв...

- Да, да (смеется). Очень символично. Кто-то подумает, что я открыл Интернет и начал переводить по алфавиту. Ну тут одна женщина – Инга Кузнецова, не на «а», женщин по алфавиту не избирают (смеется). Д.А.Пригов тоже – но он уже классика. И когда я читал стихи Анашевича, очень много параллелей находил: и ритмика, и подходы – все. Я чувствую поэзию почти так же, как он, и это я обнаружил, ощутил у него. Может быть, потому и начал его переводить, и даже хочу маленькую книжку переводов выпустить. Кто еще мне нравится – Е. Гришковец, у него подход особый, в некотором смысле обратный каким-то основным направлениям. Все писатели стараются говорить о том, о чем никто до них не думал, что-то новое схватить: идеи, эмоции. А он демократичен, в хорошем смысле, говорит всегда о самом банальном, о чем думает каждый человек, но эта кажущаяся простота его текстов очень привлекает, и в нем еще есть какая-то сентиментальность. Постепенно его текст становится очень раскрытым. Вообще я тоже человек, любящий банальность. И тоже чувствую, что говорить о банальном – дело сложное, даже, может, более сложное, чем говорить о каких-то метафизических вещах, и он это делает очень хорошо.

- Современная русская литература часто говорит об исчезновении реальности: Пелевин, Сорокин – беру имена, которые на слуху. В их вещах прочитывается, что реальности как таковой нет. Есть подобная тенденция в грузинской современной литературе?

- В грузинской литературе тоже такое встречается. Например, Бесо Хведелидзе, можно сказать и про Аку Морчиладзе – часто он пишет, стилизуя под конец XIX – начало XX века. Даже и не тот мир, о котором он пишет, и не современный мир. Очень много декоративного. Исторически он многое берет, он хороший историк, и это ему помогает.

- Такой акунинский вариант?

- Можно сказать, он наш Акунин. Или почему не наоборот: ваш Акунин – наш Морчиладзе? А еще лучше: ваш Чхартишвили – наш Ахвледиани, а наш Ахвледиани – ваш Чхартишвили.

- Как тебе кажется, какие перспективы у русско-грузинских культурных, литературных взаимосвязей? Нельзя войти дважды в одну и ту же реку, но будут ли они развиваться и дальше?

- Я полагаю, это будет развиваться. Я в 2000 году в первый раз был в Москве как писатель, потом после этого еще четыре раза, у меня там появилось много друзей, и я чувствую, что у них есть к нам очень большой интерес. Недавно, как ты помнишь, в Тбилиси с частным визитом приехали больше 14 человек, среди

которых были Гандлевский, Пригов, Рубинштейн, Иртеньев, Амелин, Алехин, Веденяпин, Кабаков, Жук. Организовал все Котэ Кубанеишвили, за что ему огромное спасибо. И что главное: целую неделю мы были вместе, русские и грузинские поэты, писатели, и это прекрасно, когда настоящая дружба создает новые возможности и условия для постоянной поддержки наших взаимоотношений в дальнейшем, человеческий интерес переплетается с профессиональным, и таким образом возникает общее поле взаимного притяжения. Вот, например, уже четыре года носится в воздухе идея создания антологии современной грузинской поэзии. Еще в 2000 году появились первые переводы новой грузинской поэзии. Затем главный редактор журнала «Октябрь» также заинтересовалась нашей поэзией, и в этом году была публикация в «Октябре» шести современных грузинских поэтов. Накапливается все это, и скоро дойдет до той кондиции, что, наверное, очень хорошая антология получится. Это один пример. И во многих отношениях, причем это бесповоротно, как бы политики ни мешали. Так что я надеюсь, будут и совместные поэтические биеннале, и сборники, и систематические встречи в России и Грузии.

ИННА КУЛИШОВА

Шота Иаташвили

Обтянувшее твоё тело
летнее платье
так же волнует меня,
как в зимнюю шубу
плотно завернутая твоя душа.

Я ведь думаю, что
обмен веществ
происходит не только в организме.

Я ведь думаю, что
элементы платья переходят в твою кровь
а углекислый газ выдыхаю –
облако твоей пышной шубы.

Это химия, не эротика.

Это химия и, возможно, эстетика,
но ни в коем случае не
оригинальное объяснение в любви.

О диффузии твоего платья и души
написано в моем учебнике химии.

Не говори, что я просто вульгарный химик.

И без того знаю, что
моя желтая майка –
нецензурно желтая –
лишена и следа диффузии
в подсолнечники Ван Гога.

Я не имею формы цветочной вазы.
Я не имею содержания цветка.
Но все равно на мне появляются трещины, и я вяну.
Вазы и цветы недовольны.
Думают, преднамеренно вламываюсь в их компетенцию.
Думают, что ровняюсь с ними.
Думают, появлением трещин и увяданием
порчу их безупречную репутацию.
Однако, я ведь только
настойчиво овладеваю основами умирания.
Этот предмет мне нужен.
Как гончарное дело.
Как ботаника.
Если существуют
археологические музеи и гербарии,
существуют и египетские мумии.
Они не имеют формы цветка.
И содержания цветочной вазы.
Но, тем не менее, не являются плагиаторами.
Неповторимо трескаются.
Неповторимо увядают.
Не обижайся на меня, ваза для роз,
выскользнувшая из рук моей матери!

Перевод с грузинского Инны Кулишовой

ВЫУЧИ МЕНЯ НАИЗУСТЬ

Выучи меня наизусть,
После ложись и усни.
А утром, проснувшись,
Прошу, повтори.

Лежа рядом с тобой,
Сладко уснув,
Я вижу тебя во сне склоненной
Над моей головой и бормочущей что-то.
Увижу, как ты
Меня звездам расскажешь
И длинным деревьям, как ты
Станешь сдавать предмет
По имени “Шота”
Каждому встречному.

Учи меня каждую ночь,
После усни или бодрствуй,
А утром
Сдай меня людям, вещам,
Молитве,
Траве.

Возможно, я стих,
Человек
Или вовсе бамбук.

Учи меня наизусть.
Иль вызубри просто.

Перевод с грузинского Кети Чухров

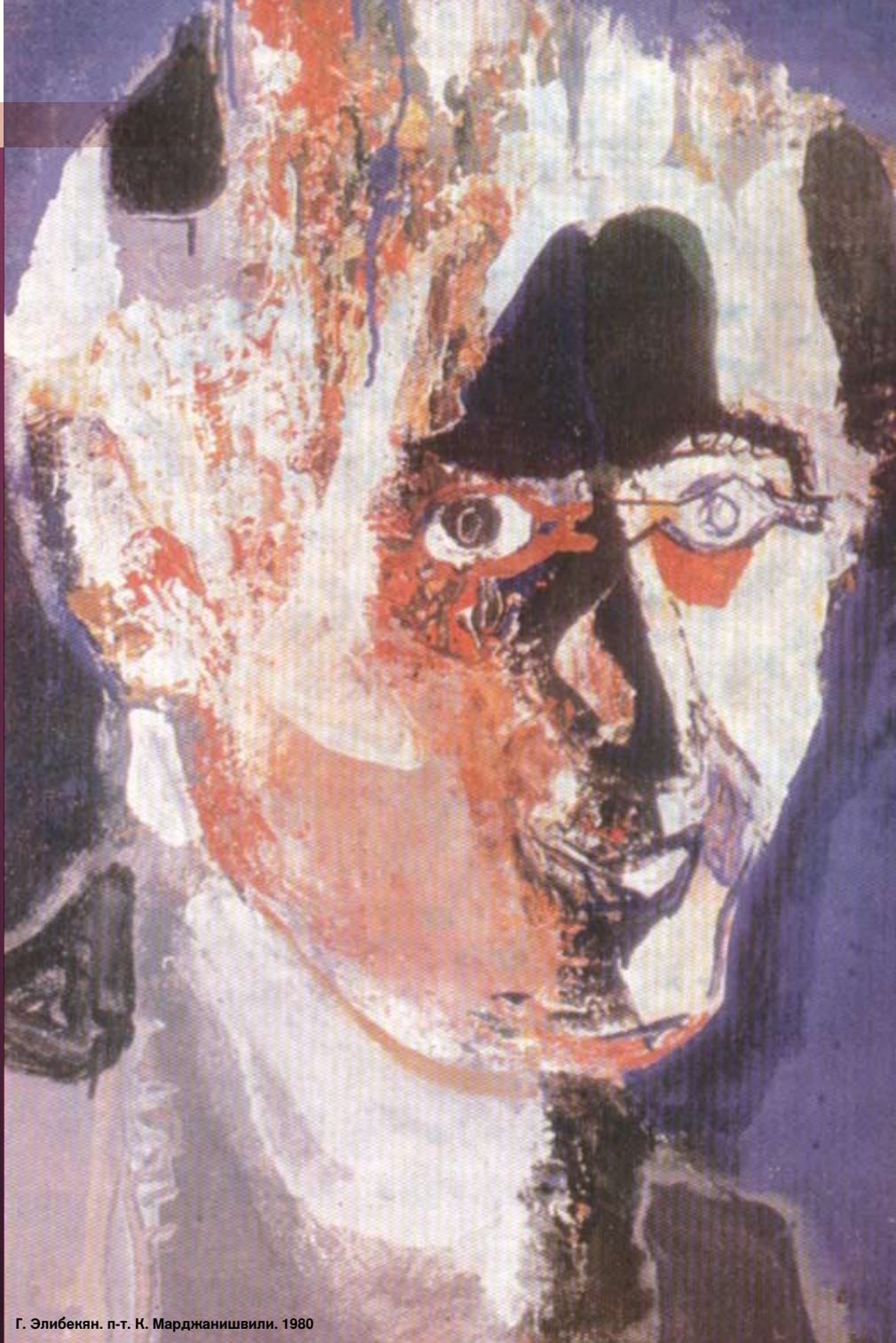
РЕЖИСС **УРА**

*Не плачьте обо мне,
Что скоро уходить из
мира мне придется,
Душа моя Вам
остается,
Любовь моя, что
родилась вне тела
И только временно в
него вошла.
Не плачьте обо мне...
Я — в утренней заре,
В вечерних сумерках,
В движении вечном
ветра,
В грозных страшных
минутах
И в ласковой муне.
Всегда для Вас жить
вечной*

*жизнью буду.
Не плачьте обо мне,
Не умер я!*

К. А. Марджанишвили

*1911 г.
Москва*

Г. Элибекян. п-т. К. Марджанишвили. 1980

«Не плачьте обо мне...»

Это было в те далекие годы, вспоминал мой друг детства, писатель и кинодраматург Леван Челидзе, чудесных мечтаний, перелицованных пальто и трофейных бельгийских браунингов, чаще всего неисправных, которые запросто можно было купить на Руставели или Плехановском за двести-триста-четыреста рублей старыми деньгами, а потом перепродать вдвое или втрое дешевле или обменять на туфли, на джемпер, на сверхмодный галстук с изображением голой девицы верхом на саксофоне, на настоящий футбольный мяч — «камера-оболочка», и когда каждый из компании имел свою кличку, прилипающую к нему на целые десятилетия.

И вот я в который раз прихожу к подъезду старинного дома, на фасаде которого надпись на мраморе: «Здесь жил один из основателей грузинского советского театра, большой художник, режиссер, народный артист Грузинской ССР Константин (Котэ) Александрович Марджанишвили (1872-1933)». Не без волнения нажимаю на кнопку звонка.

- Бабо Леля, пришел Арсен Еремян, друг семейства, - объявляет Леван, открывая дверь квартиры, в которой он живет вместе со старшим братом Константином и двумя бабушками. С бабой Лелей, Еленой Михайловной, у нас особо теплые отношения. Наши родители дружили домами и семьями. Ее отца, Михако Вачнадзе, статного генерала, я обнаружил на семейной фотографии среди бомонда на свадьбе моего дяди в Манглиси. Много лет спустя, учитывая особые заслуги генерала Вачнадзе перед отечеством, советская власть оставила ему недвижимое имущество, включая квартиру, куда я теперь пришел. «Ваша фамилия гремела в Тифлисе и Баку», - говорит она с нескрываемым уважением, возвращая меня невольно во времена тифлисских дардимандов, беззаботных кутил, которые в свою земную жизнь гуляли в сололакских садах, выезжая на учебу в Петербург, Москву, Дерпт, пили воду из Терека, слушали итальянскую оперу в Казенном театре, читали газеты «Иверия» и «Кавказ», под плач зурны уходили из этого брэнного мира, не взяв с собой ничего, кроме разбитого сердца.

Кстати, о делах сердечных. Кузина бабо Лели - Елена Иосифовна Донаури-Марджанишвили, была замужем за Константином Александровичем, перешла с российской сцены в Театр имени Руставели и работала в нем в 1921-1926 годах, удостоилась звания народной артистки Грузии. Свой сценический псевдоним передала дочери, Ирине Львовне, заслуженной артистке республики, красавице с серо-голубыми глазами, матери моих школьных друзей Котика и Левана. Помогло ли семье столь близкое родство с реформатором грузинского театра? Скорее наоборот, мешало. Марджанишвили, к счастью, не был репрессирован, стерт в лагерную пыль, как многие его друзья и сподвижники. Он умер в 1933-м, внезапно, на руках Серго Челидзе - самого любимого ученика и помощника в последние годы в руставелевском театре и своего зятя. Парадокс, но Ирине Львовне, которая была на ведущих ролях у себя в театре, имела хорошую прессу, в Театре имени Марджанишвили места так и не нашлось, и она переживала по этому поводу. Когда супруги Челидзе уходили по вечерам в театр, глаз невозможно было отвести от этой удивительно красивой пары.

В их мемориальной квартире, кажется, все напоминало о Константине Александровиче. И хотя в ней сохранились одни фотографии, все остальное Елена Иосифовна передала в Дом-музей К. Марджанишвили в Кварели, образ великого режиссера оживал в рассказах сестер Вачнадзе о знаменитых его спектаклях «Фуэнте Овехуна», «Уриэль Акоста», «Гамлет», работах Петрэ Оцхели и Ираклия Гамрекели в театрах имени Руставели и Марджанишвили, в неопалимом свете доброты, которую, казалось, излучали сами стены комнат с ред-

кими изданиями Шекспира, Сервантеса, Руставели, Рабле, Лопе де Вега, фотографиями-раритетами корифеев сцены, в найденном мною списке малоизвестного (неопубликованного?!) марджанишвилиевского стихотворения «Не плачьте обо мне...» Эта удивительная аура притягивала сюда в разные годы Зураба Церетели, Нодара Думбадзе, Резо Чейшвили, Заура Болквадзе, друга семьи Елену Николаевну Гоголеву, Леву Баяхчева, Юру Чикваидзе, Джемала Лолуа, Вахтанга Кикабидзе, жившего по соседству... В доме - кольца, штанга, гантели. Это тоже традиция, потребность основательного тренинга для художников, которым нужны большие физические силы, чтобы реализовать задуманное. Здесь с детства дружили со спортом. Братья, еще будучи учениками знаменитой тбилисской 43-ей школы, которую окончила также Ирина Львовна, занимались в

К.А. Марджанишвили

секции бокса клуба МВД у Левана Гудушаури, Георгия Вартанова, Саши Бакрадзе. Леван даже стал чемпионом Тбилиси. И если старший брат Котэ, окончивший Академию художеств по классу Сергея Соломоновича Кобуладзе, впоследствии оформил немало спектаклей, в том числе и в Грибоедовском театре («Игра без пра-

вил» Л. Штейна, 1962), больше жил и работал в Тбилиси, то Леван в молодые годы сопровождал родителей, подолгу живя в Кутаиси и Сухуми.

Серго Челидзе в 1938 году назначили главным режиссером и директором Сухумского государственного драматического театра, художественным руководителем его грузинской труппы. В театре работали три труппы – грузинская, абхазская, русская, и Челидзе, по сути, руководил тремя театрами, проявив, наряду с режиссерскими навыками, талант администратора-организатора. Ведущие артисты труппы получили сценическое образование в студии Акакия Пагава при Театре имени Руставели. Сам Серго третьего студийного выпуска 1926 года, пришел в коллектив руставелевцев с Эммануилом Апхаидзе, Георгием Сагарадзе, Гогучей Купрашвили и выдвинулся в число лучших грузинских режиссеров.

Первый спектакль его на сухумской сцене 29 сентября 1938 года – трагедия «Уриэль Акоста» Карла Гуцкова, осуществленный по плану и монтажу Марджанишвили

– свидетельство верности творческим принципам учителя, преемственности. 18 апреля 1943 года он восстановил у руставелевцев и постановку «Фуэнте Овехуна» – символ народного героизма (до победного конца Великой Отечественной еще далеко!), отметив десятую годовщину со дня смерти учителя, и сделал эту работу с совершенно новым актерским составом ярко и любовно, как и на сухумской сцене. Пафос героики, тема верности человека своему народу, воинскому долгу, столкновения сильных характеров отличают и другие челидзевские спектакли в Театре имени Руставели в бытность его (1944-1948) режиссером-постановщиком – драматическую поэму «Хевисбери Гоча» С. Шаншиашвили, в основу которой положена одноименная повесть А. Казбеги, его историческую драму «Царица Кетеван», пьесу «Победители» Б. Чирскова... И все это на фоне грандиозной эпопеи.

В середине 60-х Серго Челидзе руководил грузинским ТЮЗОм, где работала его супруга. Мое общение с народным артистом приходится на 1962-1964 и 1967-1970-е годы, когда Сергей Филиппович был главным режиссером Грибоедовского театра, поставил «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Трамвай «Желание» Т. Уильямса, «Криминальное танго» Э. Раннета, «Во дворе злая собака» К. Буачидзе и многое другое. Я приходил к нему на квартиру в начале улицы Махарадзе обычно вечером, это было перед открытием сезона или накануне премьеры. Несмотря на поздний час, уютно

И. Л. Донаури

С. Ф. Челидзе

светила лампа на письменном столе, раскрытые на нужной странице книги и рабочие наброски говорили о напряженной режиссерской мысли человека, который свято следовал де-ви-зу учителя: сначала театр, а потом все остальное. Главный наш разговор

с хозяином дома, свидетелем и участником самых значительных явлений нового грузинского театра, так и не состоялся. Многие остались недоговоренными, нераскрытыми за однодневными запросами газеты. Каждый раз я утешал себя возможностью новой встречи, нового разговора. А потом этой возможности не стало. Я сидел за поминальным столом в день похорон Сергея Филипповича и слушал Додо Алексидзе, тогдашнего председателя Театрального общества Грузии. Его взволнованный монолог – признание большого вклада супругов Челидзе в развитие отечественного театра. Димитрий Александрович вспомнил реплику недоброжелателя (как сказал Д'Аламбер, только посредственность не имеет врагов), мол, не мудрено оставаться на хорошем счету в театре, будучи зятем Марджанишвили. И достойный ответ Сергея Филипповича: «Но не за каждого он согласился бы выдать замуж свою дочь».

Они только начали встречаться, но уже подумывали о свадьбе. Константин Александрович, узнав новость, посадил Ирину и Серго в фэтон с откинутым верхом и прокатил по центру старого многобалконного Тифлиса. Дескать, вот мои дети, они любят друг друга. Медленно катился фэтон на мягких шинах по Дворцовой улице, Головинскому проспекту, по Ольгинской... Люди смотрели на эту «тамаша», блистательную постановку под открытым небом, и темпераментно тбилиссски приветствовали их.

АРСЕН ЕРЕМЯН

Константин Кондратьев (Россия)

Родился в 1961 году в городе Воронеже, где практически безвыездно проживает по настоящее время. Писать начал со школьной скамьи. Принадлежит к пресловутому «поколению дворников и сторожей», чем только не зарабатывал на жизнь свою и своей семьи, при этом не оставляя литературных занятий, но, так сказать, «частным порядком». Никогда не входил и не входит ни в прежние, ни в нынешние официальные «литературные структуры». Автор нескольких поэтических сборников, издававшихся частным же образом. В последние годы стал появляться на «литературных страницах» русскоязычного Интернета.

* * *

*Дивногорье**

*Приснись... мы просто подросли.
Прошли азы. Холмы взрослели.
И, как языческие ели,
росли от неба до земли.
Здесь можно вширь – и все равно.
Оно живое – вот что важно –
просторное веретено.
Лесостепной, донской, овражный –
разжатый край. И кривотолк.
И кривоборье, гарь пожарищ...
И – да – уж если выйдет волк
на волю – он тебе товарищ.*

*... И небо – небо над грядой,
над меловыми языками...
И годы долгой чередой,
как странники с их узелками.
Здесь, затерявшись, как в веках
опять кузнечики балуют,
и, по колено в васильках,
бредешь уже напропалую.
Во флорентийском витраже
как будто стрекоза застряла...
Приснись – не бойся. Мы уже
пришли. И этого – не мало.*

**Дивногорье – место при впадении в Дон реки Тихая Сосна (недалеко от Воронежа, природно-исторический заповедник.*

* * *

...Да тополя, и свод светло-зеленый...

(А.А.А. «Воронеж»)

*Опять одно – пить разведенный спирт.
Так зелен glass, что кажется, что вечен:
Как вечно славен лавр, и зелен – мирт,
И как прищур небес – бесчеловечен...*

*О, где оно – пасхальное вино?
И горечь роз, и пурпур из Фалерна...
Закат померк – и путь один... И, верно,
Вот так и было все предрешиено.*

*Но как страшит норы дремучий лаз!.. –
И, как в стаканах – в жилах иней стынет.*

*И в небесах горящий немо глаз.
И глас незрячий в ледяной пустыне.*

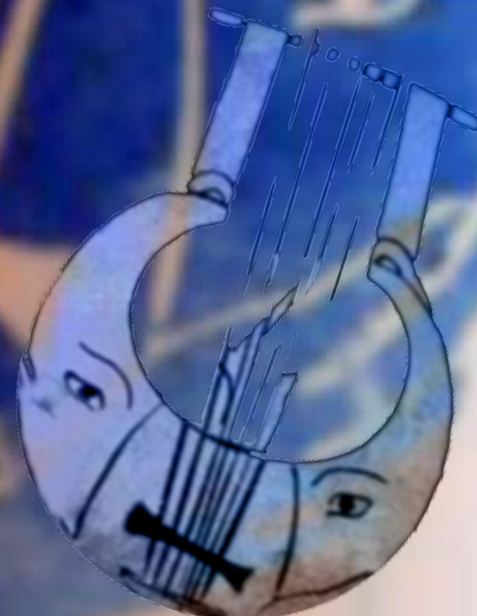
К МУЗЫКЕ

*Бетховен и Воронеж – или
Один или другой – злодей...*

Мандельштам

*Вокруг светло от снега. Небо мглисто.
На фоне млека – узловатых линий
Пучки: немые пальцы Франца Листа,
Скупые пальцы Николаса Паганини.*

*На фоне неба – верная октава.
И – как главнокомандующий – верховен
Утробный гул порожнего состава
Глухой ночи – такой же, как Бетховен.*

ВДОХНОВЛЕННЫЕ КАВКАЗОМ

Между Национальным стадионом Грузии им. Бориса Пайчадзе (бывшим стадионом «Динамо») и парком культуры и отдыха «Муштаид» расположено двухэтажное здание из красного кирпича, которое привлекает внимание прохожих своей оригинальной архитектурой в стиле русского модерна. Здесь, на втором этаже, находится «Мемориальный музей и библиотека шелководства и пчеловодства» — предмет особой гордости Тбилиси. Его стены помнят первых посетителей: великих князей Михаила, Александра и Сергея Романовых (1889), итальянского наследного принца Виктора-Эммануила Савойского (1890), персидского министра Мирза-Риза-хана (1891), посланника Северо-Американских Соединенных Штатов Спенсера (1892), эмира Бухарского Сеид-Эмир-Абдул-Азава (1893), брата Хиванского хана, полковника Сеид-Ахмед-Амаджан-Тюря, великого князя Николая Михайловича Романова и его секретаря, бывшего библиотекаря Тифлисской публичной библиотеки Густава Ивановича Сиверса и других.

Возможно, это один из редких случаев, когда вопреки революциям и «периодам реконструкций» история сохранила библиотеку и музей в собственном *almater* — бывшей «Кавказской шелководственной станции и пчельнике при нем».

История учреждения последней тесно связана с

Три Нико: Шавров, Симборский и Николадзе

Всероссийской художественно-промышленной выставкой в Москве (1881), на которой Комитет шелководства Императорского Московского общества сельского хозяйства предполагал устроить экспозицию шелководства. Перенос проведения выставки на 1882 год позволил комитету подробнее изучить состояние шелководства в России. С этой целью в 1881 году он командировал В. Д. Левинского в южные губернии России, а Н. Н. Шаврова — на Кавказ.

Кавказ для Николая Николаевича Шаврова не был чужим. Уроженец города

Николаева Херсонской области, он рос и воспитывался

вался на Кавказе. С юных лет этот живописный край стал предметом его страсти и вдохновения. Волею судьбы его отец, Николай Александрович Шавров (1826-1899), выпускник Военно-инженерной академии (позже журналист и общественный деятель), направляется на Кавказ заведывать инженерной частью при кутаисском генерал-губернаторе. Предметом особого интереса Шаврова-старшего было устройство черноморских коммерческих портов. Ему как инспектору Военно-инженерного управления Кавказской армии поручают проектирование коммерческого порта для Закавказья. Так появился проект Потийского порта, строительство которого велось с 1863 по 1873 годы. По сохранившейся легенде Нико Николадзе, видный грузинский общественный деятель и голова потийской городской управы, для форсирования строительства порта обратился к императору с просьбой «дозволить копеечный сбор среди жителей города». В просьбе ему было отказано: император не захотел обременять стесненный в средствах народ дополнительными расходами. Самые теплые, доверительные отношения сложились у Шаврова-старшего с Нико Николадзе. Возможно, без этого творческого тандема Потийский порт не был бы построен. В то время коллектив управы представлял собой монолит единомышленников. Не случайно, в памяти потийской интеллигенции прошлого столетия сохранилась фраза: «Мы все гласные с Нико Николадзе согласные».

В 1875 году Шавров в чине генерал-майора выходит в отставку и уезжает в Петербург, где вместе с братом Александром Шавровым, публицистом и эрудитом в области финансов, издает газеты «Биржа» и «Наш век». Однако ощущение принадлежности к особой общности «кавказец» не оставляло его. Он возвращается на Кавказ: в 1878-1881 г.г. служит при Главном управлении Кавказским краем; потом около десяти лет является ведущим сотрудником газеты «Кавказ», пишет ряд научных трудов по финансам, экономике и торговле и монографию о Потийском порте.

Шавров-сын избрал своим поприщем шелководство – одно из древних кустарных промыслов на Кавказе. После окончания отделения естественных наук физико-математического факультета Московского университета с

1882 года он служил в Тифлисской контрольной палате. В 1885 году Н. Н. Шаврова переводят в Министерство государственных имуществ.

Н. Н. Шавров охарактеризовал тогда положение шелководства в кавказском крае как кризисное: ни одного научного учреждения, занимающегося проблемами шелководства, ни одного специалиста в этой области, техника производства – на уровне кустарной. Особо подчеркнув значение развитой шелководственной промышленности для экономического благосостояния юга России, он указал на необходимость основания на Кавказе специального учреждения по типу шелководственных станций Западной Европы. И ему, кандидату естественных наук, поручают организацию шелководства на Кавказе и составление соответствующего проекта.

Прежде, чем приступить к работе, он в течение двух лет изучал шелководство в Италии, Франции, Австро-Венгрии и Германии. Затем он ознакомился с шелководством на юге России – в Бессарабии, Херсонской и Таврической губерниях. Кроме исследования состояния отрасли, он с интересом изучает историю зарождения и распространения шелководства в мире, изучает труды античных и средневековых авторов о шелководстве на Кавказе и Средней Азии. Одновременно анализирует причины неудач промышленного шелководства в начале XIX века в крае. Полученные знания нашли обобщение в составленном им проекте Кавказской шелководческой станции. С этого момента можно говорить о возрождении шелководства на Кавказе, неразрывно связанного с именем Николая Николаевича Шаврова. Осенью 1886 года Московский комитет шелководства объявил Кавказскую шелководственную станцию центром систематических научных исследований по шелководству в России и признал необходимость строительства специальных зданий для лабораторий, библиотеки, музея, аудитории и других помещений. В 1889 году в связи с проведением Кавказской сельскохозяйственно-промышленной выставки шелководческой станции поручили организовать отделы шелководства и пчеловодства. Была устроена образцовая пасека, а сама станция стала называться «Кавказская шелководственная станция и пчельник при нем». Концепция Шаврова, направленная на возрождение шелководства, распространилась и на пчеловодство. Одновременно с началом организации шелководственной станции (1887) Шавров приступил к формированию библиотеки и музея, для которых после многих обсуждений выделили площадь в наименее посещаемой и совершенно не благоустроенной части казенного сада в Тифлисе.

В 1891 году завершилось строительство главного здания Кавказской шелководственной станции и пчельника при нем. Шавров и архитектор А. Шимкевич выбрали для него стиль модерн – новое направление в русском искусстве конца 19 – начала 20 веков. Поэтика символизма, декоративные гибкие линии, стилизованные узоры фасада здания, орнамент и лепка стен, конструкция мебели – все было подчинено единому орнаментальному ритму и замыслу, соответствующему образному строю шелководства и пчеловодства. Примечательно,

Н. Шавров

что одним из элементов орнамента здания, интерьера и мебели был выбран китайский иероглиф, обозначающий «шелк». Широкая мраморная лестница вела на второй этаж, где разместили четыре отделения музея, библиотеку с читальней и аудиторию. Стены вестибюля украсили медальоны с орнаментом по мотивам шелководства.

Как обычно бывает, при составлении библиотек первыми ее книгами становятся подаренные. Не стала исключением и библиотека станции, где основу фонда составили 50 книг, подаренных Н. Шавровым. Фонды библиотеки постоянно пополнялись за счет покупок, обмена, пожертвований, и к июню 1905 года насчитывали 2873 наименований книг, брошюр и периодики в 7346 томах. Книгообмен осуществлялся с 37 учреждениями. Выписывались журналы 46 наименований. В 1926 году библиотека состояла уже из 10 тысяч томов.

Н. Шавров в совершенстве владел методологией научно-информационной деятельности, он - автор ряда обзорных статей, в том числе для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Он автор ряда работ кавказоведческого характера: «Описание кавказского шелководства», «Очерк шелководства в Закавказье», «Очерк пчеловодства на Кавказе», «Кустарные шелковые промыслы Кавказа», а также трудов по истории развития шелководства в мире.

Более двадцати лет (1987-1909) посвятил Н. Шавров Кавказской шелководственной станции, превратив ее в оборудованное по последнему слову техники научное учреждение с образцовым опытным хозяйством, лабораториями и мастерскими, обширной библиотекой и музеем, удостоенное высших наград на всероссийских и международных выставках. На первой Всероссийской выставке садоводства в Петербурге (1890) была отмечена Большой золотой Медалью, на Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго (1893) была удостоена почетного

диплома и медали; на международной выставке плодородства в Петербурге (1894) — золотой медали; на Всемирной выставке в Париже (1900) — высшей награды — гран-при; на Международной выставке пчеловодства в Лионе (1901) — гран-при и т.д.

Особой гордостью Н. Шаврова был музей, который своими коллекциями не уступал лучшим музеям шелководства Западной Европы, а в чем-то даже и превосходил их.

Основание коллекций музея было заложено в 1888 году. Среди ее первых дарителей были

Н. Шавров, И. Тихеев, К. Яновский, Д. Коллович, К. Бегичев, Р. Эристави. Коллекции музея стали экспонироваться с 1892 года. Их детальный каталог составил хранитель музея

Д. Н. Овечкин. Коллекции музея на январь 1891 года состояли из 5218 предметов по шелководству и шёлковой промышленности, на июнь 1905 года - из 18.259 предметов, а в 1926 году их было уже более 15 тысяч!

При станции имелся составленный Н. Шавровым полный ассортимент шелковицы, включающий европейские, японские, китайские и туркестанские сорта, а также пород тутового шелкопряда. Некоторые реликтовые кавказские, туркестанские и персидские породы

Н. Шавровым были сохранены и имелись только на тифлисской станции. Она уникальна и тем, что стала первой сельскохозяйственной опытной станцией в Российской империи. Специалисты по другим культурам шли по проторенному пути.

Велики заслуги Н. Шаврова в подготовке специалистов для этого учреждения. Большая часть работающих в области шелководства получила знания от Н. Шаврова и его учеников. Отличаясь колоссальной трудоспособностью и необыкновенной преданностью делу, Николай Николаевич своим примером увлекал сотрудников. Фамилия его была настолько популярна на Кавказе, что отождествлялась с понятием шелководство; мусульмане шелкопроизводящих деревень Кавказа называли его «барамгенерал», что в переводе означает «кочонный генерал».

Традиция, заложенная Н. Шавровым, была продолжена и после его отъезда в 1909 году в Туркестан.

Музей шелководства, как и прежде изумляет своими коллекциями. Сегодня фонд библиотеки шелководства — любимого детища Николая Николаевича — состоит из 39 тысяч единиц хранения. В читальном зале работают ученые, специалисты, преподаватели и студенты, исследователи из разных стран мира. Они находят здесь уникальную научную библиотеку, аккумулирующую историю научной мысли по проблемам шелководства, шелководения, пчеловодства и смежных отраслей, истории шелководства на Кавказе и в мире, этнографии, кустарной промышленности.

Мемориальный музей и библиотека шелководства и пчеловодства представляли уникальный опыт объединения в едином комплексе двух учреждений науки и культуры. Сегодня это направление, которому отдан многолетний подвижнический труд Н. Шаврова, востребовано во многих странах мира.

НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ, БОНИ НЕЙФЕ-СМИТ

МУЗЕЮ БЫТЬ?

Этот музей вызвал спор между американскими и европейскими специалистами. Американцы уточнили утверждение европейцев: «Музей является частью мирового, а не только общеевропейского культурного наследия».

В водовороте повседневных дел можно не заметить явления не совсем обычные и даже мистические. Как никогда не увидеть души, оставившей тело, так никогда не поверить, осмотрев коллекции Музея шелка, что этого музея не существует.

Для начала истории нужно написать: «В Тбилиси есть Музей шелка». Но последнее неверно, так как в сентябре 2005 года принято решение о ликвидации координационного центра «Дом шелка» и об автоматическом упразднении находящихся в подчинении центра музея и библиотеки. Написать: «В Тбилиси был Музей шелка» - рука не поворачивается, тем более что это утверждение тоже не вполне соответствует реальности, ведь я был в музее сегодня... А кроме того, в октябре 2005 года (уже после постановления о ликвидации) музей принимает и выставляет новые экспонаты - пожертвования художниц Кетеван и Нестан Самхарадзе. И потом, говорят, что надежда... В общем, нужно написать: «В Тбилиси будет Музей шелка». Оптимистический пафос здесь может быть доведен до абсурда: в Тбилиси будет Музей шелка, который был основан в 1887 году!

Это музей - один из старейших в Тбилиси. По времени основания он был третьим в ряду музеев, основанных русскими. Ранее были открыты Кавказский музей (с 1919 года - Музей Грузии, ныне - Национальный музей Грузии) и несуществующий сельскохозяйственный музей.

Сегодняшнее де-юре несуществование Музея шелка - продолжение давней истории. Располагающий

уникальной коллекцией музей на протяжении десятилетий не был внесен в список музеев Грузии. Такие списки составляло Министерство культуры, а Музей шелка был под юрисдикцией Министерства сельского хозяйства. Только в 2004 году в изданном Министерством культуры справочнике «О музеях» Музей шелка впервые упоминается. С 1998 года он в списке Европейской сети текстиля и постоянных выставок.

В 1930 году Кавказскую шелководственную станцию закрывают. На богатой базе «исчерпавшей свои функции» станции создается Закавказский научно-исследовательский институт шелководства (в 1954 году статус института переводят с общерегионального на республиканский уровень). В 1959 году институт шелководства объединяют с сельскохозяйственным институтом. Еще через десять лет закрывают музей. В 1975 году ученые оставляют созданный Н. Шавровым лабораторно-экспериментальный комплекс в Дидубе

на четырех гектарах зеленых насаждений. Из разрушенных тогда зданий назову лишь одно – для хранения куколок тутового шелкопряда с механической системой охлаждения помещения: холодная вода из Куры поступала по трубам, вмонтированным в стены и пол здания. В 1981 году постановлением Совета Министров Грузии здание уже закрытого музея передано спорткомитету «Динамо». Если бы процесс передачи здания не затянулся на года, наверное, не осталось бы и следа от бывшего величия осуществленного Николаем Шавровым проекта. Стараниями директора Музея шелка Ирины Чоторлишвили 29 декабря 1988 года в Тбилиском государственном университете состоялся форум. Благодаря поддержке интеллектуальной элиты столицы музей удалось спасти. В октябре 1990 года восстановленный музей принял первых посетителей. В 1997 году возвращается в историческое здание библиотечный фонд (39 тысяч единиц на 26 языках,

самый ранний экземпляр напечатан на древнегреческом языке в 1601 г.). Распиленные в период выселения библиотеки уникальные шкафы занимают свои места. Восстановительные работы вернули музею и его зданию первоначальный вид. Сегодня в музее хранятся образцы кавказского шелка, а также коллекции из 61 страны. В отличие от знаменитого музея в Лионе, выставляющего сейчас только образцы тканей и модели одежды, или музея в Японии, обладающего коллекцией швейных ниток, в тбилисском музее представлены все этапы производства шелка от семян тутового дерева до изделий.

В 1998 году в Москве было отмечено 140-летие со дня рождения Николая Николаевича Шаврова, выдающегося ученого, члена девяти императорских обществ по различным отраслям знания, автора 80 статей, 12 книг и пяти учебников, основателя Музея шелка в Тифлисе. Поездка двух сотрудников музея на юбилейные торжества в Москву стала возможной благодаря финансовой поддержке почетного члена музея Зураба Церетели.

С 1997 года в музее состоялось пять международ-

ных симпозиумов. В симпозиумах принимают участие в основном европейские и американские исследователи, связь с русскими специалистами прервана...

26 сентября 2005 года на открытии V Международного симпозиума художественного текстиля Ирина Чоторлишвили сообщила его участникам о закрывающем музей постановлении. Участники симпозиума подготовили обращение к президенту Грузии Михаилу Саакашвили. Оно повторяет просьбу, направленную 29 марта 2004 года премьер-министру Грузии Зурабу Жвания - о сохранении музея и библиотеки в историческом здании, о переводе в подчинение Министерства культуры и присвоении Музею шелка имени Николая Шаврова.

АЛЕКСАНДР АХСАХАЛЯН

БАЛЕТО *MAN*

ПОЭЗИЯ ТАНЦА

Творческий удел Майи Плисецкой есть чудо,
дарованное нам.

Человек получил свой дар свыше и вернул его людям.

Белла Ахмадулина

Плисецкая – балерина ритмов XX века. Я вижу ее на
фоне чистых линий Генри Мура и капеллы Роншан.

«Гений чистой красоты» – среди издерганного,
суматошного мира. Красота очищает мир.

Отсюда планетарность ее славы.

Андрей Вознесенский

Впервые я увидела Майю Плисецкую в далекой юности. Это был ее творческий вечер в концертном зале имени Чайковского. Сам знаменитый балетмейстер Касьян Голейзовский назвал ее гениальной, а педагог-репетитор Большого театра Елизавета Гердт, принимая поздравления, произнесла с доброй улыбкой:

«Майя! Такой не было, такой не будет...»

Спустя много лет я напомнила Майе Михайловне об этом чудесном вечере, она была приятно удивлена: «Вы помните!» – «Еще бы, такое не забывается с годами...»

Когда Майя Плисецкая впервые взошла на подмостки Большого театра, ее ошеломляющий успех означал не только рождение новой звезды русского балета.

Традиционный тип классической балерины Плисецкая возродила в новой форме, придав своему зажимательному танцу особый размах и масштабность.

То она изумляла зрителей почти фантастической гибкостью рук, то легкостью переходов от мощных прыжков к сверкающей россыпи ювелирно отточенных движений.

Виртуозная техника балерины не знала предела и позволяла ей сложнейшие актерские задачи выполнять с блеском свободной импровизации.

По материнской линии у Майи Плисецкой была редкость одаренная, интересная родня.

Мать – актриса немого кино, тетка Суламифь Мессерер – известная балерина.

«Индивидуальность – это природа, – говорил о Майе известный танцовщик и балетмейстер Асаф Мессерер, сыгравший немаловажную роль в судьбе своей племянницы. – Она не была такой, как все. Она уже в начале своего творческого пути доказала право на независимость».

В «Хованщине» веришь, что она персиянка, в «Бахчисарайском фонтане» – гордая грузинка, в «Коньке-Горбунке» – величавая красавица, в «Спартаке» – гречанка с античных барельефов. Разные ритмы и тональности, разные эпохи и жанры, и в каждом танце – русском, испанском, в старинном менуэте, гавоте, полонезе – не только свой стиль и своя манера исполнения. Везде уловлен сам дух народа, живущий в любой из хореографических картин. Ее чарующие движения были полны экспрессии, страсти, передавали мысли, слова, смену настроений.

Эротизм балерины, как отмечали известные балетные критики, облечен в безупречную эстетическую форму, вокруг нее – огромное энергетическое поле и «свечение интеллекта».

Одним своим появлением на сцене Плисецкая словно гипнотизировала все вокруг, зритель оказывался во власти ее покоряющей силы воздействия.

Помню, с какой теплотой говорил о ней Вахтанг Чабукиани: «Мои совместные выступления с Майей Плисецкой связаны с балетами «Дон Кихот» и «Лауренсия».

Ее яркий темперамент, гармония движений, драматизм исполнения каждый раз поражали меня неожиданностью, доставляя минуты подлинного творческого вдохновения».

Когда мы с Котэ Махарадзе и Игорем Нагорным снимали документальный фильм «Чародей танца» (о творчестве В. Чабукиани), в своем интервью Майя Михайловна рассказывала, что у нее был тяжелейший период, она долгое время была невыездной, ее называли плененной птицей. Власти боялись, что она может остаться в Америке, где жила родня отца, чудом уцелевшая в годы репрессий. «В тот период, - вспоминает она, - Вахтанг Михайлович проявил огромное внимание, он не только протянул мне руку помощи, поддержал морально, но и предложил переехать в Тбилиси, работать с ним. Предложение было заманчивым, и я с благодарностью приняла его, но судьба все решила иначе».

В литературном салоне знаменитой Лили Брик, музы Владимира Маяковского, Майя Михайловна знакомится с композитором Родионом Щедриным и ста-

Майя Плисецкая вошла в историю балета феноменально - творческим долголетием.

На сцене она уже около 60 лет! Случай небывалый. Благодаря уникальному таланту, трудоспособности, преданности любимому делу и еще, как пишет она сама, его любви...

«Я боготворила Родиона. Я исписала тысячи страниц писем к нему, из каждого города, каждого отеля, когда была на гастролях...»

Невозможно перечислить все зарубежные гастролы Плисецкой. И куда бы она ни приезжала, ей всюду сопутствовал триумфальный успех.

Ее называют жрицей танца, королевой балета, национальной гордостью России.

Многие видевшие и знавшие Анну Павлову отмечали сходство Майи Плисецкой с великой русской балериной.

«Раймонда»

новится его женой. Запрет на выезд снимается. Первый визит за границу в 33 года! До этого мир не видел ее на сцене. В аэропорту Нью-Йорка ее обступают кольцо журналистов. Ждут сенсационного сообщения. Останется ли она на Западе? Но таких мыслей у нее нет. Главное заслужить признание зрителя, набраться впечатлений и домой... к Щедрину, в Большой, сцену которого она считает лучшей в мире.

Французский хореограф Ролан Пети подарил ей балет «Гибель Розы» на музыку Малера. Он же снял фильм «Жизнь Марселя Пруста», в котором Плисецкая танцевала герцогиню Германт. Знаменитый американский хореограф Джером Робинс поставил для нее «Ноктюрн» Шопена. Плисецкая была на вершине славы, когда кубинский балетмейстер Альберто Алонсо посвятил ей «Кармен». Сколько споров вызвала в свое время Кар-

«Лебединое озеро»

«Кармен»

мен Плисецкой, когда она создала совершенно непривычный образ и необычную пластику. Несколько лет она доказывала, что ее Кармен имеет право на долгую жизнь. И победила!

«Кармен» стоит в ряду лучших балетных спектаклей мира.

Свое 50-летие Майя Плисецкая отмечала в Брюсселе премьерой «Болеро» Мориса Бежара, 60-летие – премьерой «Дамы с собачкой» и «Кармен-сюитой» Р. Щедрина.

В день семидесятилетия она исполняла свои коронные номера – «Лебедь» и «Айседору».

Как сказал Морис Бежар: «Плисецкая станцевала Дункан, но могла ли Дункан станцевать Плисецкую?»

Мы помним сенсационное выступление Майи Плисецкой и на сцене нашего оперного театра. Когда несколько лет назад Майя Михайловна в очередной раз приезжала в Тбилиси, она воссоздала на сцене просто пластический этюд, танцевала одними руками, рисовала музыку только жестами, но это

были словно застывшие божественные фрески...

И зал Тбилисской филармонии неистовствовал от восторга, содрогаясь от шквала аплодисментов.

В те памятные дни Католикос-Патриарх Всея Грузии Илья II передал в дар великой балерине точную копию креста царицы Тамары...

Лауреат самых престижных премий, в честь которой названа малая планета, Плисецкая предельно проста, лишена всякой звездности.

С удовольствием читаешь ее слова:

«Больше всего ценю артистизм. Для меня главное – не ногу задрать, а быть артистом, слышать музыку и знать, что ты хочешь сказать, понимать свою роль, а не показывать свои возможности. Это очень ценно, и не только в балете, но и в драме...

Во многих странах я даю мастер-классы: и в Америке, и в Германии, и в Японии...

Я хотела бы родиться в XXIII веке...»

О ней пишут книги, снимают фильмы, известные художники стремятся запечатлеть ее облик.

«Оглядываясь на пройденный путь, – говорит она, – понимаю, что мне труднее всего давалась независимость. Вот уж роскошь».

Юбилейные торжества Плисецкой проходят во многих странах мира. Эстафету Москвы приняли Париж – театр Пьера Кардена, Лондон, Токио...

Мир с восхищением приветствует непревзойденную, неподвластную безжалостному времени великую балерину и актрису Майю Плисецкую.

НЕЛЛИ УЗНАДЗЕ

118 Электрическая копытка и каравансарай Тамамшевых
Trompe électrique et karavanseraï Tamamcheff

Тифлисъ - Tiflis

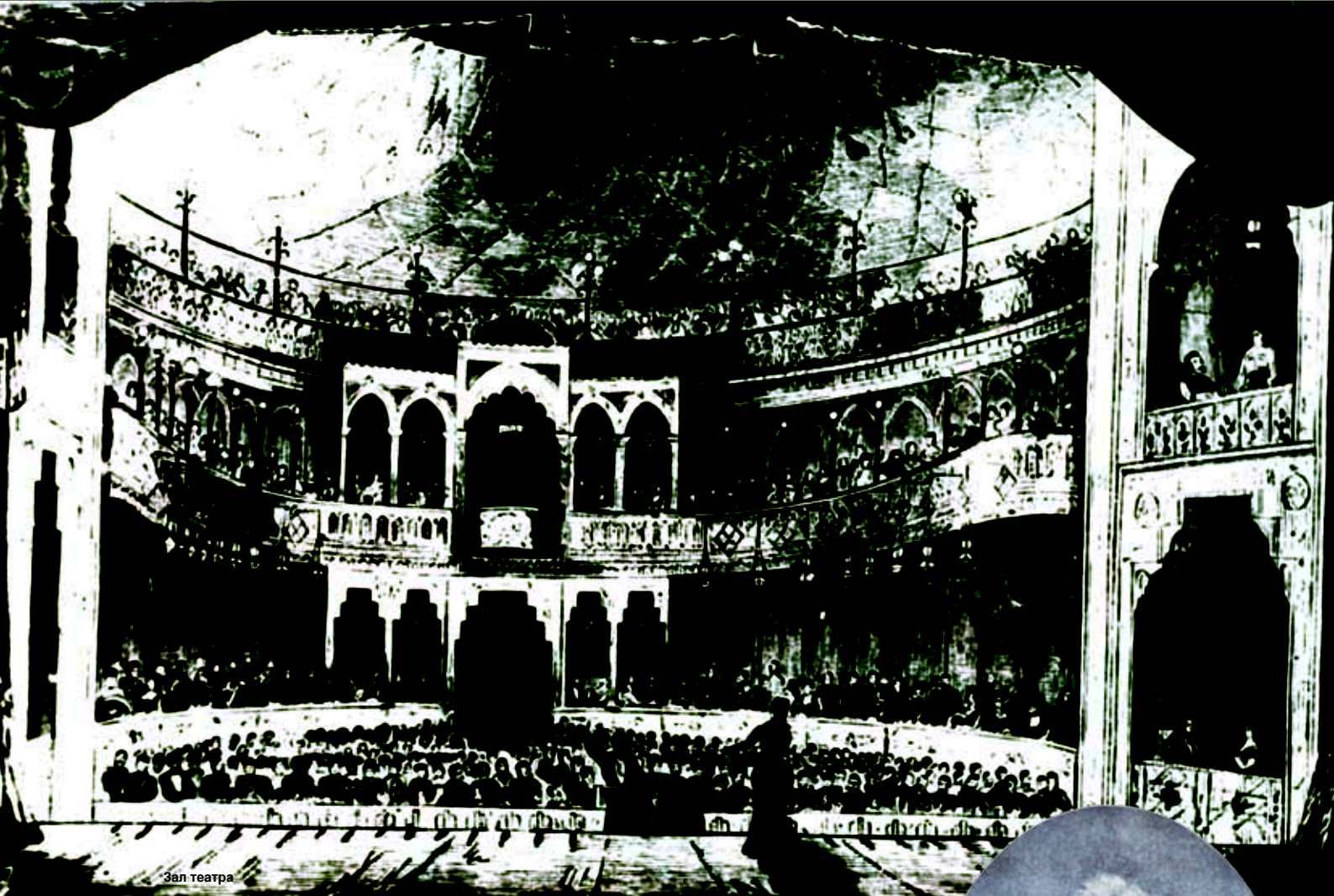
ДЛЯ ПОЛЬЗЫ И УКРАШЕНИЯ ГОРОДА

Самым значительным общественным сооружением в Тбилиси середины XIX века был театр. Здание театра, занимавшее центральную часть Эриванской, ныне площади Свободы, было построено в 1847-1851 годах. Это первое специальное театральное сооружение не только в Грузии, но и во всем Закавказье. «Намерение выстроить театр... для пользы и украшения города» принадлежало генерал-адъютанту князю Михаилу Семеновичу Воронцову, наместнику на Кавказе. «Мысль эту наместник хотел осуществить на средства частных лиц, на выгодных, впрочем, для них условиях». Поэтому оно представляло собой и торговое сооружение (в связи с этим его часто называли «караван-сарай» с театром). Однако понятно, что магазины и торговые склады были добавлены с чисто коммерческой целью, основным же был театр. Выстроить его на свои средства согласился тифлисский купец Габриел Тамамшев. Торжественная закладка здания каравансарая и театра состоялась 15 апреля 1847 года (все даты указаны по старому стилю). В связи с этим событием в фундамент здания была заложена памятная медная доска с соответствующей надписью. Автор проекта итальянский архитектор Джованни Скудиери, один из наиболее известных тбилисских архитекторов XIX века.

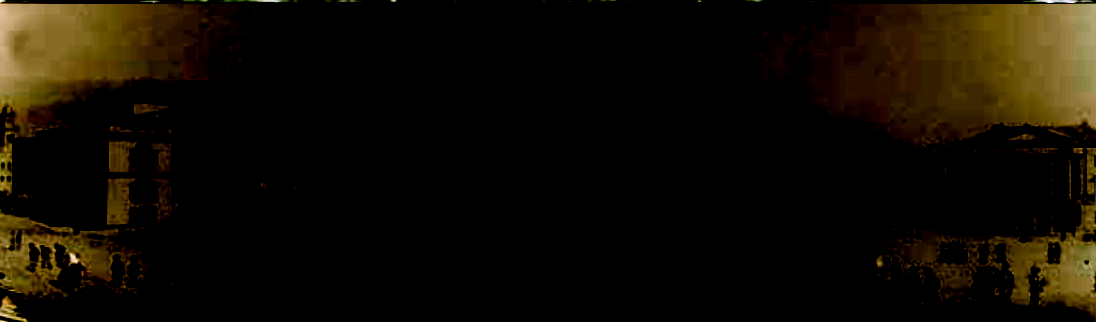
Открытие театра состоялось 12 апреля 1851 года. В

ознаменование открытия театра был дан «публичный маскарад с лотереей-аллегри в пользу Тифлисского женского заведения св. Нины». «Таким образом, - писала газета «Кавказ», - на той площади, которая за пять лет пред сим каждую осень покрывалась почти непроходимую грязью, ... вы видите теперь прекрасное, колоссальное здание, с целым гостиным рядом, с замечательным по отделке театром и окруженное широкими каменными тротуарами».

Здание караван-сарая и театра представляло собой четырехэтажное, прямоугольное в плане сооружение с размерами 78x48 м. С южной стороны площади (со стороны мэрии) здание было двухэтажным, а с северной - трехэтажным. Это было вызвано разностью отметок уровня площади. В двух подвальных этажах были размещены складские помещения и частично магазины. Третий этаж, на уровне площади, по всему периметру здания занимали 23 магазина, занятых красным товаром (мануфактурой), персидским товаром, железным, стеклянным и прочими товарами. На четвертом этаже были размещены 21 магазин, торговые конторы, библиотека, театральная буфет, фойе. В здании было 266 больших и малых торговых помещений. Центральную же часть здания занимал театр, т.е. зрительный зал со сценой, который имел приблизительно 47 м в длину, 25, 5 м в ширину и 15 м в высоту. В нем помещалось до 700 зрителей (180 мест в партере, 22 ложи в первом ярусе, 25 - во втором и 250 мест на галерке). Главный вход в театр находился с западной стороны площади, со стороны Корпусного штаба. На уровне третьего эта-

зал театра

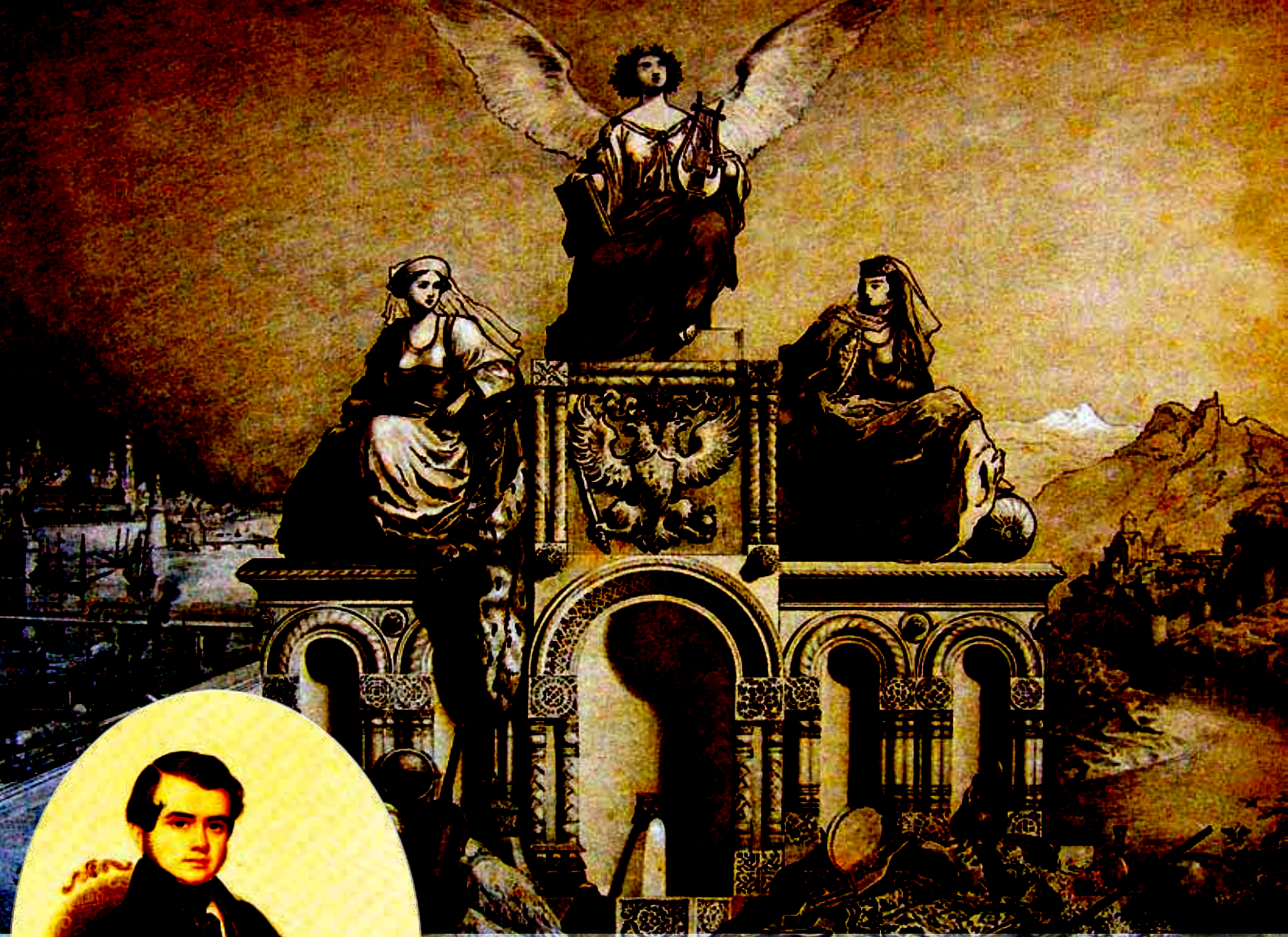

М. Воронцов

жа были устроены 15 малых и два больших кирпичных мостика с подъездами для карет, поскольку вокруг здания был устроен ров с подпорной стеной, предназначенный для дневного освещения двух подвальных этажей. По своей архитектуре фасады здания и интерьер театра не соответствовали друг другу. Фасады, как писали тогда, «самой легкой итальянской архитектуры», а интерьер театра носил «восточный» характер. По сути дела, это здание – один из ранних образцов эклектизма в Тбилиси.

При разработке фасадов Д. Скудиери использовал мотивы архитектуры известной базилики в г. Виченца архитектора А. Палладио. Внутреннее оформление зрительного зала и фойе было исполнено по эскизам известного художника князя Григория Гагарина. Оно было решено в «усовершенствованном арабском стиле», с арабесками, кufическими надписями и даже украшениями в виде сталактитов. На голубом своде потолка были размещены девять медальонов с именами наиболее известных драматургов, в том числе Александра Грибоедова. Лепные работы были выполнены лучшими персидскими мастерами.

Зал вызывал восхищение современников. В отчете на имя императора князь М. Воронцов писал: «внутренняя отделка зала изяществом своим изумляет, можно сказать, всех посетивших оный». Известный литератор граф Владимир Соллогуб пишет: «Сооруженный в Тифлисе, на Эриванской площади театр по своей отделке не найдет себе нигде подобного», «пером невозможно выразить... всей прелести, всей ювелирной отделки нового зала: он похож на огромный браслет из разных эмалей». Александр Дюма-отец, посетивший Тифлис в 1858 году, отмечает: «Зал – это дворец волшебниц, без зазрения совести скажу, что зал тифлисского театра – один из самых прелестных залов, какие я когда-либо видел за мою жизнь». Летом 1851 года, наряду с русской и грузинской драматическими труппами, по предложению назначенного заведующим репертуарной частью нового театра В. Соллогуба, было решено создать и третью – оперную труппу. Начались переговоры с итальянской труппой Барбьери, которая «путешествуя с

занавес театра

В. Соллогуб

артистической целью по югу России», в то время находилась в Таганроге.

После заключения контракта труппа, состоящая из 24 артистов, частью на тарантасах, частью на перекладных, направилась в Тифлис. 8 ноября 1851 года состоялось «торжественное открытие представлений в новом театре», т.е. открытие сезона. В нем принимали участие все три труппы: русская, грузинская и итальянская. В частности, были сыграны два действия из комедии «Горе от ума» и новая пьеса известного драматурга кн. Георгия Эристави. На следующий же день, 9 ноября состоялось первое представление итальянской оперы. Была представлена опера Гаэтано Доницетти «Лючия ди Ламмермур», повторенная 16 ноября. «Театр был полон; впечатление было замечательное». За «Лючией» последовали оперы «Эрнани», «Любовный напиток», «Севильский цирюльник», «Фурьезо», «Норма» и другие. «Норма» привела публику в восторг. Успех был большой и оставался неизменным на протяжении многих лет. «Итальянская опера была принята с восхищением», «во многих домах и даже на улице слышатся мотивы итальянской музыки», «Тифлис решительно становится музыкальным горо-

дом... Куда не повернешься - все слышатся итальянские напевы», «На улице все приветствия, ... все разговоры изменились. Теперь не спрашивают, здоровы ли вы?, спрашивают, есть ли у вас место в опере?» - писала пресса тех лет. Оценивая выступления итальянской труппы, В. Соллогуб писал: «Прибывшая в Тифлис итальянская труппа нашла ... здесь неожиданный и замечательный отголосок; она обнаружила в здешней публике не любовь к новизне, как многие полагали, а редкое чутье, инстинктивное понятие прекрасного, ни одно искреннее выражение неподдельного чувства, ни один музыкальный номер, исполненный отчетливо, не оставался без знаков взрывчатого одобрения.

Самая труппа, удивленная неожиданным приемом, усилила свои старания».

В 1853 году в новом театре была создана и небольшая балетная труппа.

К сожалению, этот театр просуществовал всего лишь 23 сезона. 11 октября 1874 года, как писала газета «Кавказ»: «Город постигло серьезное бедствие: в результате пожара значительно пострадало здание караван-сарая и полностью выгорело помещение театра. По соглашению с владельцем караван-сарая, который находил для себя удобным «вывести театр из своего здания», в 1879 году оно было восстановлено в качестве торгового помещения типа «пассаж». В 1934 году, в связи с расширением площади, здание караван-сарая было разрушено.

ТАМАЗ ГЕРСАМИЯ

Наталья Даминова (Россия)

Родилась в 1977 году, живет в Оренбурге. В 1999-м с отличием окончила факультет иностранных языков Оренбургского педагогического университета. С 1999 по 2001 год работала переводчиком в фирме «Инязцентр», с 2001 по 2003 – преподавателем английского языка на кафедре романо-германской филологии (специальность “Перевод и переводоведение”) Оренбургского государственного университета. В настоящее время является сотрудником пресс-центра. Участник Пятого Форума молодых писателей России.

Живу подкормками, подкормки – слабые,
Из мяты перечной, початок мыслей.
Перечу – первая, подковки складывать –
Моя религия. Наскально высекала
Висевших со крестом – скрестила шпажечки –
Куда нам, бражникам твоим, Всевышний наш,
Куда, Всевидающий, твоим безбашенным.

Живу по-мятному, по март я девственна,
Тем паче – двойственна, тем лучше – шествовать
Не по заезженной, по равноденствию –
Слепоугадывать, слепоблаженствовать.

Слепа подкормками? Слаба – по крови ли,
Со лба студеного – сойдет испарина,
Со дня несудного жива – подковками,
Со дна – подкормками пригрета-дарена.

Не послушница – вашим псалмам
Не сдаюсь, лучше в псарне заприте.
Не полушница – сто верст сама
Не смеюсь – вы не той золотите
Подлокотник. По локоть – в грязи,
Мой князек, вы устали за рампой
Выходить в подкидные ферзи,
Выпекать подсолненные штампы.
Не получится – (мелом сурьмлю
неказистые брови) – идите:
Не попутчица – мне во суму
Серебра накидали. Хотите?
Заклинаю: заклянья, скорей!
Избиенных от Ирода – в ад не
Пропускают. До первых дверей –
Пантомимой измученно-ватной.
Не прослушать бы свору своих,
Где танцуют и пляшут сатиры,
И в предреберье ветер утих:
По кому улыбаешься, Ирод?

Оттянуть воротник – морозно,
Кожу выдубил запах хлеба.
Объявили сегодня “Воздух”,
Ну а в легкие – как бы мне бы
Поднабрать его, что силенок,
Поднарезать упругой финкой.
Запах хлеба во мне – с пеленок,
С детородных худых суглинков.

Запах улицы засвет – кормит,
А в ночную – слюны не выжать.
Бестолковою хлебной коркой
Из моих колоколен брызжет.
Запахнете на ту? – не сдохну,
Сдам по шесть, но своих – по шерсти,
Шестерить не пристало в охрип:
Мол, не так винтороги черти.

Вон, трещит по углам – за минус,
Разморожен язык до кости.
В зиму сивки поистомились:
Обживали пути-погосты.
Отрезвляет проросший топот,
Отупевшие рвутся ноздри,
Запах улицы засвет – стоптан:
Объявляли сегодня “Воздух”.

“Невы державное течение...”

*

Пальцы чуть коснулись сырости –
Разводи мосты,
Расшифруй, когда
Большерукая –
Вон из берега,
И второго – вон!

Оторочили мехом
Гранита, нитью
Междустрочной
Отсрочьте ледоходы,
Оплачьте там,
За Заячьим –
Принадно!

*

Хронос течет из
Уст и ушей твоих. Крови
Хочешь? – Прими земляничн
Мусс. Стустки с моста –
Рыбам на корм,
Мне не грозит стать
Твоим батраком.

«ЭТО БЫЛ ВЕЧНЫЙ ПРАЗДНИК»

Во время праздничных дней среди других гостей не могла не привлечь к себе внимание очень интересная супружеская пара, живописная, вписывающаяся в любые контрасты, но только ни в какие стандартные рамки. Бывший актер Грибоедовского Юрий Юрченко со своей супругой, французской актрисой Дани Каган отложили все срочные дела и приехали на юбилей театра.

Биография Юрия - некий исторический и географический феномен, похожий на гонку с препятствиями, где самое большое удовольствие, равно как и всевозможные испытания, получает сам гонщик. Он пишет стихи, пьесы, играет в театрах России, Франции. Родился в Одессе, в тюрьме, где отбывала срок в сталинские времена его мать, отец - уголовник, отчим - еврей - политзаключенный, которому расстрел заменили на 25 лет. Колымское детство, путешествия по России, затем Грузия, снова Москва, Париж, где, собственно говоря, живет и поныне с Дани Каган - актрисой школы Роберта Льюиса, непосредственного и ревностного ученика Станиславского в США. Она играет в театрах Франции и России, в телефильмах, снималась в кино, в частности, «Профессионалы» с Ж.-П. Бельмондо и Р. Оссейном (режиссер Жорж Лотнер), «Шок» с Аленом Делоном и Катрин Денев (режиссер Робин Дэвис), «Дневник его жены» Алексея Учителя и т.д.

- Дани я впервые увидел здесь, в Тбилиси, - рас-

сказывает **Юрий Юрченко**, - в Доме кино на закрытом просмотре фильма «Профессионалы». Кстати, на премьере был режиссер Жорж Лотнер. Мы с ним сейчас большие друзья, а он же мэтр французского кино, снимал Жана Габена, Риту Хейворт, Бельмондо, Делона. Жорж много работал с отцом Дани. Отец Дани - отдельная фигура в истории французского кино и спорта. Он основатель школы каскадеров во французском кинематографе, а до этого был чемпионом Франции и Европы по кикбоксингу. Совершенно легендарная личность, он ставил трюки и сам участвовал во всех драках и в «Трех мушкетерах», и в «Анжелике». Представляете, я в своем колымском детстве без билетов пролезал и смотрел, и не знал, что когда-то мы будем общаться. Смотрел, как убегают от погони Анжелика с Оссейном... А впоследствии мы 10 лет с ним дружили. Его в прошлом году не стало.

- Как Вы из Магадана попали в Грузию?

- Маму выпустили, когда мне было восемь месяцев. Вышел указ в 55-м году: беременных и с грудными детьми освобождать, а мама меня кормила грудью. Получилось, я ее освободил. Жить ей рекомендовали в пределах Магаданской области. И я, зная, что родился в Одессе, у Черного моря, чувствовал страшную несправедливость, что нахожусь в краю вечной мерзлоты. Зона особо строгая была, там сидел грузин, зубной врач Отари. Вот его и солдата-армянина, который на вышке сидел, я больше всех жалел. За что они-то? Им-

«Хорошо, через два дня принесу прописку». Я вышел и спросил, какой город рядом. Я понимал, что в Тбилиси прописываться бесполезно. Мне сказали: Рустави. Сел в автобус. Опять зайцем. У меня была такая сила убеждения: смотрел на контролера, и не спрашивали билет. Приехал в Рустави. Спросил: где здесь бюро по трудоустройству. Мне показали. Прихожу в бюро, говорю, мол, токарь 3-го разряда, закончил в Магадане ГПТУ, рассказал историю, что ищу здесь сестру. Мне сказали идти на Руставский завод. Устроился токарем - все в один день! В общежитии прописали. Забрали паспорт, правда. Но я сказал, что мне нужен паспорт, чтобы на воинский учет поставили. Забрал паспорт, стал на учет и уехал, и принес Амирану прописку. Через день! Он не мог поверить. «Сколько заплатил?» - «40 копеек». Через месяц-два он уже приходил и говорил: слушай,

то тяжелее всех. Ну я ладно, страдаю - они за что? Грузия... Знаете, для меня были такие недостижимые вещи: мавзолей Ленина, Грузия... Про Францию не говорю, это другая планета. Из дома я ушел в 13 лет, из школы выгнали в 14. У меня было семь неоконченных классов. И я не мог никуда поступить учиться. Но меня подобрал один режиссер в Сибири, в Березняках, в Пермской области, тоже зональное место. На вертолетах нас спускали в зоны играть, и это был мой первый театр. И вдруг в Березняки на один-два дня заехал Грузинский государственный театр пантомимы. Я даже слова «пантомима» не слышал. И я увидел «Электру», гениальный спектакль, «Виноградную лозу». Я подошел к худруку Амирану Шаликашвили и попросился к нему в театр. Амиран ответил, мол, почему бы и нет, приезжайте, не зная, что придется «за базар отвечать». Им предстояло еще месяца два гастролей. И я собрался. Поехал прощаться с друзьями. Зайцем я тогда ездил: Сибирь, Владивосток, потом Москва. Меня высаживали, я ехал долго и наконец очутился в Тбилиси. Шаликашвили и не подозревал, что на него надвигается. Я приехал, еще зацепил за собой одного парня. Амиран ничего не помнил, конечно, кроме того, что меня видел. И ему было неудобно, он нас взял: двух - по конкурсу, который тогда был объявлен, и нас с этим парнем. Взял, но говорит, что ему правительство запретило без прописки из других республик брать. Он думал сделать это уловкой, уверткой. Не тут-то было!

что такое? Я иду по Руставели, и каждый второй спрашивает: как там наш Юра у тебя. Потом Этери Гугушвили меня взяла рабочим сцены в институт. Я ночевал на сцене в театральном институте. После репетиций в театре пантомимы я еще делал у станка перед зеркалом экзерсисы, засыпал на сцене, на каком-то диване. Затем я сдал экстерном 11 классов. Хотя было неполных 7, но я подделал справку, что перешел в 11-й. Никто ничего не мог понять, все думали, что кто-то меня продвигает. Помню, посадили на экзамене за отдельный стол меня и Виталия Дараселия: артист и футболист. Русский, литературу, историю я знал. Все остальное - математику, химию и т.д. - нам приносили. Как только я получил аттестат, пришел к Сандро Товстоногову - он как раз курс набирал. К тому времени я уже жил в студенческом общежитии. Алла Мамонтова, Игорь Пилиев, Миша Амбросов, Женя Вадакария, Коля Рыжак - наш курс... Это было счастливое время. Мы играли в массовках, были при театре. А какой был театр! И Сандро - прекрасный человек и педагог. Он же был молод, всего 28 лет. И такой фейерверк! Он ставил много... Конечно, это счастливейшее время. В середине второго курса я перевелся во МХАТ. Но праздник, который был в театре и на курсе у нас в институте, ни с чем не сравнишь. Во МХАТе было намного скучнее.

- В профессиональном плане или человеческом?

- В профессиональном. В человеческом, конечно, тоже. Тут был курс из 10 человек, теснее отношения. Там

- 25. А потом я еще в двух институтах учился, женился, работал... Однажды я ехал в Ригу работать, откуда-то из Владивостока или из Хабаровска, - через Москву (вечная актерская история: «из Вологды - в Керчь»). В столице я остановился, как всегда у своей сестры, солистки оперы Большого театра. Но там, в Москве, я встретил своих старых тбилисских друзей, которые убедили, что в Риге меня никто не ждет, а ждут в Тбилиси. Так, неожиданно для себя, я вновь оказался в Грузии. На следующий после приезда день я уже «показался» худсовету Грибоедовского театра во главе с Гизо Жордания, а еще через день в театре уже висело объявление, что я в числе нескольких других актеров театра должен участвовать в каком-то важном концерте. В театре еще полтора сезона проработал. В «Законе вечности» играл, потом были «Синие кони на красной траве», мы делали с Воликом Грузцом и Тамарой Соловьевой «Лиззи Мак'Кэй» или «Почтительную потаскушку» Сартра, еще что-то. Но это был уже чуть другой период. Сандро был в Москве... Мы с ним, кстати, потом много общались. Я потом учился в Литературном институте, а у него - театр Станиславского, и это все рядом, на одном углу Тверского бульвара и Тверской. Конечно, если весь период моего пребывания в Грибоедовском вспомнить... После того, как я ездил зайцем - и вдруг гастроли: Москва, Прибалтика, побережье черноморское. Мы играем. Я даю контрамарки девочкам. Это был вечный праздник. Как у меня в «Фаусте» Мефистофель говорит: «Без ложной я скажу риторике, нам вспомнить есть о чем за чаркою. И прожил, скажут так историки, он жизнь короткую, но яркую». И потом тут появились первые стихи, Гия Маргвелашвили меня взял под свое крыло, и его семья стала для меня родной.

- Получается, что те годы, которые вы провели здесь, похожи на Париж - «праздник, который всегда с тобой».

- Что вы, конечно! Классное было время. Кстати, недавно я выступал в театре Рейхельгауза, он часто устраивает клубные дни. А сейчас он собирается мой мюзикл ставить, по мотивам «Сорок первого». В Грибоедовском в «41» я играл одного из солдат. И Рейхельгауз попросил меня прочесть стихотворение «Ночь в центре Тбилиси». У меня вообще любой мой вечер, где бы он ни был: в Швейцарии, в Париже, в Москве - выливается в вечер о Грузии. Я начинаю рассказывать о Грузии, стихи о Грузии, переводы. Вы знаете, я приехал, потому что юбилей, нельзя было не приехать, я пообещал Николаю Свентицкому, что где бы я ни был - приеду. А вообще я зарекся, что в Грузию не приеду, пока мне не дадут гражданство. В Париже собираюсь пойти в посольство. Чтоб мне виза была нужна в мой родной Тбилиси - этого я не могу!

- Сейчас, когда вы приехали и прошились по городу, вы почувствовали запахи того далекого Тбилиси?

- Когда я впервые приехал, был очень молодым, и я помню Грузию в декабре-январе, и эти первые дни, грузинские запахи. Я Дани сегодня сказал, что вдруг через много лет услышал тот же запах, чуть паленый, словно снова оказался в юности. Не знаю, листья ли жгут... Я помню, что у Тбилиси был свой совершенно воздух. Я вспомнил себя.

- Я тоже узнаю запах Тбилиси, - говорит Дани Каган, - в нем чуть-чуть ванили, чуть-чуть хлеба, когда его пекут, фрукты и еще - фисташки. Сладковатый запах такой...

- Дани, Вы играли и во французских фильмах, и в русском кино. Какая специфика у русского режиссера и французского?

Д. Каган и Ю. Юрченко

- Я не знаю, есть ли особая специфика у русского или французского режиссера. Потому что и французские режиссеры очень разные: Годар, Шаброль и т.д. Так же, как, скажем, Михалков, Учитель отличаются один от другого. Я училась в Америке по системе Станиславского у Роберта Льюиса, в Америке я начала работать, и все время имею дело с разными профессионалами: французы, греки, иранцы, англичане, русские. Я думаю, есть много хорошего в каждой школе, и это надо воспринимать как множество зеркал. Тяжело, но интересно мне как актрисе. Во Франции, может быть, слишком много значит язык, хотя сейчас перемены произошли и во Франции. Анатолий Васильев, у которого я в Париже училась четыре месяца, для меня стал шоком.

- Фактически размываются границы в театральных школах?

Юрий: - Они размываются, но различия остаются очень сильные.

- Язык дает определенное направление стилю игры?

Дани: - Да! И русский - очень органичный язык. Во французском нет музыки.

Юрий: - Как ни странно, они с завистью смотрят на наш язык. Когда мы играли «Фауста» на французском, меня просили вставлять большие куски на русском. Они, не понимая, получали большое удовольствие. Когда я впервые приехал в Париж без знания языка и пошел учить его в какую-то школу, мне дали схему языков по их музыкальности, и я увидел, что русский стоит на одном из первых мест. Итальянский - где-то на 3-ем или 4-ом, французский - на 7-ом примерно. Первый язык - какой-то островной, не помню.

Французский более плоский, что ли. Они только глазами смотрят. Поэзии французской достаточно оставаться написанной, в эпистолярном жанре она уже существует полноценно. В нашем языке этого недостаточно, потому что 80 процентов в звуке выражается. Потому все наши поэты лезут на сцену. Почему все так любят русский театр? Потому что, привыкнув к театру интеллектуальному, приходят посмотреть, оценить: да, прекрасно. Но когда, скажем, приезжают Фоменко, Додин, и играют «Братья и сестры» 6 или 7 часов подряд, они забывают о времени, потому что у них включается то, к чему они не привыкли: сердце. И они открывают то, что они живые.

- Вы играли в русском театре в Грузии, играли в Москве, во Франции - что ближе?

- Мне ближе, конечно, наша школа. Там это - дру-

гая профессия совершенно. Фоменко ставил года 3-4 назад в Париже с выпускниками консерватории «Каменного гостя», спектакль был красив по форме, но, конечно, молодые актеры... Мы с ним беседовали, и он был расстроен. Дело даже не в том, что времени мало, говорит он, да, два месяца репетировал, для них это нормально. Но мы говорим с ними на разных языках. И сейчас у нас в погоне за Западом в Москве происходят большие печальные вещи в театре: коммерциализация.

Дани: - Сейчас большая проблема искусства театра, кино - деньги. Для той же школы надо время, а время - деньги. Я видела много молодых актеров, у них только год для обучения, а потом очень быстро начинают делать карьеру на телевидении, проходят кастинг. Во Франции есть только одна труппа госу-

дарственного репертуарного театра на всю страну - Комеди Франсез. И давать деньги другим театрам государство не может. Это некое общество такое, компания - Комеди Франсез. А в других - 13-20 человек в труппе.

Дани Каган, несмотря на то, что продолжает сниматься, по большому счету пожертвовала своей кинокарьерой ради театра. Юрий рассказывает, как когда-то ей позвонил Делон, пригласил сниматься, а она ответила: «Не могу, у меня собака большая».

- Я была очень молодая, - говорит Дани, - думала, что могу сказать «нет». Самый запоминающийся партнер в кино для меня - Аллен Делон. Он глубокий человек. В отличие от Делона, как актер театра лучше Бельмондо, кстати, в жизни шуточный, на самом деле он весь в себе. Вообще я думаю, актеру нужен режиссер, и только он может что-то грандиозное вылепить из актера. Я очень хотела играть именно в театре. Возможно, я не чувствовала себя готовой к работе в кино, не знаю. Это судьба, может быть. Я люблю работать: тексты, репетиции, а приглашения на коктейли, премьеры, много людей - нет, не для меня это. Хочу и люблю работать.

- Юрий, Дани, у вас богатое прошлое. Какое настоящее и будущее?

Юрий: - Сейчас у меня происходит какое-то возвращение в Россию. Я много лет не приезжал. Писал пьесы, Андрей Битов мне помог издать «Педагогическую поэму» (моя переписка с дочерью от первого брака), так что я не считаю дидактический эпистолярный жанр устаревшим. Мы ставили спектакли в Авиньоне, в частности, моего «Фауста», Дани играла Елену Прекрасную. Сейчас мы ставим русский вариант на новой сценической площадке «Моветон» (это целый комплекс), Мефистофеля играет народный артист из театра Ермоловой Алексей Шейнин. В этом году были поставлены две пьесы в театре Маяковского, «Бермуды», Дани играет в очередь с Александрой Ровенских, по-русски. Это не первый ее спектакль на русском языке. В позапрошлом году она с Джигурдой сыграла Теннесси Уильямса «Царствие земное». А сейчас ей предлагают играть «Трамвай «Желание» в одном из русских театров. Режиссер ее увидел и сказал, что вот она, настоящая Бланш. У нас еще мюзикл с Рейхельгаузом готовится. Кроме того, на Лазурном Берегу мы сейчас открываем театр, прямо на границе с Италией, всего один километр.

- Вы все время существуете в пограничных зонах: русский-французский, граница с Италией...

- Да, в пограничных.

... Французский режиссер Шаброль как-то заметил: «Я не хочу становиться устоявшимся кинематографистом, как не люблю долго жить в одном месте. Любая стабильность пугает меня. Обзаведясь постоянным жилищем и творческим статусом, я сам сооружу себе могилу». То же самое можно сказать и про энергичного, разнопланового Юрия Юрченко и Дани Каган, актрису, в которой есть особая энергетика и нерв манер и движений, и эта прекрасная пара существует в разных языках, жизненных и творческих условиях. Поздравляя со сцены грибоедовцев, Дани предложила сделать сценическую площадку на Лазурном Берегу тбилиско-русско-французской.

ИННА КУЛИШОВА

Московский театр
Школа Современной пьесы

Ассоциация
LES SAISONS RUSSES
(Париж)

поэт
бард
артист

ЮРИЙ ЮРЧЕНКО
/Париж/

Стихи и песни из авторских
моноспектаклей

«Американское счастье»
«Мафиози»
«Il mostro»
«Фауст и Елена»
«Тень иноходца над рекой»

«Нас водила молодость в сабельный поход...»

В далеком 1930 году в редакцию газеты «Боец РККА» зашел невысокого роста средних лет мужчина в кожаном пальто. Режиссер А. С. Любош, недавно возглавивший труппу театра Красной Армии, решил поместить объявление о приглашении в труппу всех желающих попробовать себя в актерском амплуа. Его внимание привлек директор типографии Константин Тихонов: приятная внешность, интеллигентность, правильная речь, четкая дикция. Уходя Любош просил Тихонова зайти в театр. Так случай привел журналиста на сцену и почти на десятилетие круто изменил его трудовую биографию.

Детство Константина Андреевича прошло в Самаре. В 1913 году, в 19 лет, он женился и устроился на работу в типографию. Здесь были написаны первые очерки, здесь он увлекся идеями большевиков и вступил в партию. Когда в Самару вошли белочехи, он на последнем пароходе вместе с В. Куйбышевым покинул город юности. Ближайшие годы много ездил по стране, добрался до Средней Азии, где по раскаленным солнцем степям носились банды басмачей, а в городах

и аулах все больше набирала обороты новая жизнь.

В 1923 году он неожиданно встретился со своим двоюродным братом Николаем Семеновичем Тихоновым. Поэтические сборники «Орда» и «Брага» (оба 1922), поэма о Ленине «Сами» (1920) снискали брату славу поэта. С годами он больше внимания уделял общественной работе – возглавлял Советский комитет защиты мира, избирался депутатом Верховного Совета СССР, трижды был награжден Государственными премиями, Международной Ленинской премией, а в 1970 году и Ленинской премией. В его поэзии темы дружбы народов, борьбы за мир заняли центральное место.

В Грузию он впервые приехал в 1930-х годах, и сразу его покорили не только природа, но люди, традиции страны. В автобиографическом рассказе «Я люблю горы» (1956) Н. Тихонов писал: «Каждый год до Великой Отечественной войны я бывал в горах. И когда с альпийским мешком за плечами я всходил на первую горную тропинку и ветер гор касался моего разгоряченного лба, я чувствовал, что снова вступаю в область

«Сенсация»

больших чудес, и что каждый день я буду слушать тишину гор, буду идти вверх к убранным ледяными башнями вершинам, буду сидеть у костра, слушая рассказы влюбленных в горы людей, есть простую пищу, пить простую воду и уносить с собой простое счастье гор... Все вокруг рождало новые ощущения, мысли и чувства».

Георгий Леонидзе назвал Н. Тихонова «Автанდიлом русской поэзии». Круг его друзей в Грузии был необыкновенно широк. Не случайно первый номер журнала «Литературная Грузия» открывался тихоновским рассказом «Цхнетиские вечера».

Судьба двоюродного брата тоже оказалась связанной с Грузией. Сюда его прислали как журналиста из Средней Азии, но в театре Красной Армии раскрылись новые грани яркой личности. Репетиции, спектакли, гастроли вошли в жизнь Константина Андреевича. В первый сезон А. Любош поставил шесть спектаклей – «Командные высоты» А. Фадеева, «Темп» Н. Погодина, «Сенсацию» Бен-Хента, «Междубурье» Бурдина, «Хлеб» В. Кирсона и «Бравого солдата Швейка» Я. Гашека. Смелый, размашистый почерк режиссера, конструк-

тивистское решение сценического пространства, транспаранты с лозунгами тех лет: «Даешь мировую революцию!», «Выполним и перевыполним план хлебазаготовок», «Успехи сева укрепляют колхозы, бьют по кулаку» - воссоздавали эпоху революционных преобразований, в стороне от которых ни город, ни деревня остаться не могли.

В труппе театра были Е. А. Сатина, Н. А. Осипов, Я. В. Орлов-Чужбинин, В. Д. Брагин, Е. С. Коваль-

ская, Б. Г. Белецкая, А. С. Липницкий, А. Д. Смирнин, Б. В. Вяземский, Т. М. Максимова, М. Н. Мичурина, Д. Н. Негина, Т. П. Москвина, Р. Д. Дагмарин, А. Ф. Леммергардт, С. Д. Ратов, Е. Д. Цымов и другие.

Второй сезон открыли пьесой А. Афиногенова «Страх», но летом театр расформировали, а первого сентября 1932 года Народный комиссариат просвещения Грузии издал постановление о создании Тбилисского государственного русского драматического театра. В труппу влилась большая часть актеров театра Красной Армии, пришел в него на работу и режиссер. В 1933 году широко отметили тридцатилетие деятельности в театре Любоша – актера и режиссера. В новом театре ему довелось работать с выдающимся режиссером Котэ Марджанишвили. Пьеса М. Горького «На дне» в его постановке открывала первый сезон. Следом были осуществлены постановки Любоша – «Улица радости» Н. Зархи, «Аэроплан над городом» М. Левидова, «Девушки нашей страны» И. Микитенко, а в конце первого сезона дали «Женитьбу Белугина» А. Островского и Н. Соловьева. Она оказалась последней постановкой Любоша в Тбилиси. Вскоре он уехал в Ленинград. Возможно, на его решение повлияли разгромные оценки деятельности театра официальными органами – партия все жестче брала под свой контроль учреждения культуры.

В конце 30-х годов Константин Андреевич Тихонов ушел журналистом на фронт, прошел всю войну с белофиннами и Великую Отечественную. Позже работал в Рустави заместителем редактора газеты «За металлургию», а потом уехал в Батуми. В Тбилиси осталась я, его дочь Виктория. Удалось сохранить альбом. В нем фотографии со сценами из спектаклей, свидетелей которых уже нет. Снимки сохранили дух времени, его неповторимую эстетику. Память о театре, из которого вырос нынешний Грибоедовский.

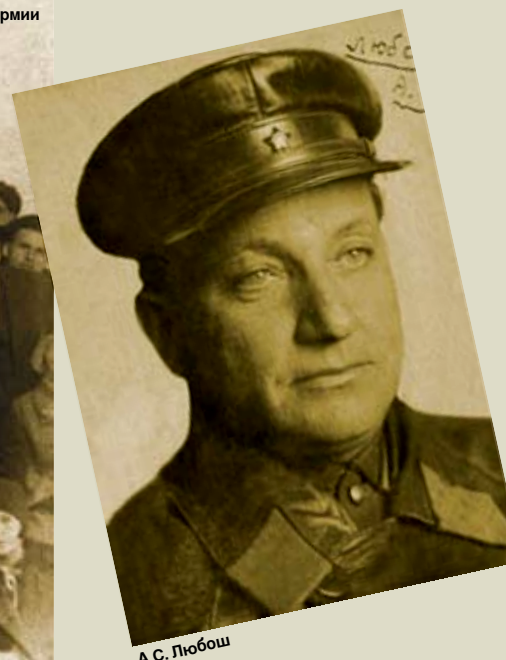
ВИКТОРИЯ ТИХОНОВА-МАРТАШОВА

К.А. Тихонов

Труппа театра Красной Армии

А.С. Любош

«ОГОНЬ, МЕРЦАЮЩИЙ В СОСУДЕ»

На 160-летний юбилей нашего театра слетелись из разных стран мира многие грибоедовцы. Приехала из Великобритании после десятилетнего отсутствия и заслуженная артистка Грузии Замира Григорян. Она была одной из ведущих актрис театра, но ее мужа А. Батишвили, известного знатока английского языка, пригласили работать в Англию на радиостанцию Би-Би-Си, и Замира уехала вместе с ним, так как любовь к Лексо для нее превыше всего.

Я дружу с Замирой долгие годы и знаю, какая она на самом деле. За внешней, неподвластной времени красотой скрывается тонкая душа актрисы, умеющей любить, дружить, ценить в людях их достоинства и прощать недостатки.

Нашей дружбе никогда не мешало то, что она актриса, а я режиссер. Она была построена на полном доверии друг к другу, откровенности и потому жива до сих пор. Я всегда любила в ней человека и актрису – эмоциональную, обаятельную, которой были подвластны все жанры от комедии до трагедии. Творческий рост ее мне довелось наблюдать с первого курса Театрального института. Когда в нашем alma mater открылась русская группа, я училась на третьем курсе и видела все экзамены русского сектора актерского факультета. На первом курсе педагогом у них был Гиви Сарчимелидзе, его любили студенты. На втором курсе Додо Алексидзе ставил горьковскую «Вассу Железнову». Спектакль играли еще не на сцене, а в восьмой аудитории. Роль Вассы исполняла Замира. Помню, как я была поражена тем, что совсем еще девочка смогла

осилить такую сложную роль. На третьем курсе в пьесе Патрика «Странная миссис Сэвидж» в постановке С. Евлахишвили Замира предстала в роли вечно молодой старухи Сэвидж в трагикомедийном гротеске. И, наконец, на четвертом курсе дипломный спектакль по пьесе В. Коростылева «Похождения зубного врача» ставит Михаил Иванович Туманишвили. Замечательный

Замира Григорян

получился спектакль, хороша была Замира в роли Ласочкиной.

Встреча с великим мастером многое дала актрисе. «Я тогда научилась главному, тому, что сначала надо обдумать, собрать характер и только потом его показывать. Я поняла, что играть в театр и играть в театре – это совершенно разные вещи».

Замиру распределили в театр Грибоедова, но по семейным обстоятельствам она уехала в Черкесск. Через год вернулась в Тбилиси. В творческой жизни Григорян после прихода в театр Г. Лорткипанидзе произошли перемены. Она сыграла Валерию в «Одни, без ангелов» Л.

В детстве Замира училась игре на скрипке, у нее абсолютный слух и приятный голос. Она прекрасно пела в музыкальных спектаклях – коварная миледи в «Трех мушкетерах» (постановка А. Товстоногова), очаровательная и сексуальная героиня в пьесе А. Осецка «Вкус черешни».

Позже Замира – смешная и незабываемая управдом в спектакле М. Варфоломеева «Святой и грешный» (постановка Г. Жордания) и почти трагическая Элеонора в спектакле «Человек, который платит» (постановка Г. Черкезишвили), Семинихина в «Восточной трибуне» А. Галина (постановка Л. Джаши). Ей удавалось и детективный жанр, играла, в полном соответствии законам и жанра. Ее таинственные и роковые героини в «Ловушке» Р. Тома (постановка Г. Чакветадзе) и медсестра в «Загадке дома Вернье» А. Кристи и Р. Тома (постановка Л. Джаши) держали зрителя в напряжении до конца спектакля.

На днях мы говорили с известным московским театроведом Ланой Гарон о Замире, и она высказала много лестных слов в ее адрес. Приятно было слышать это. Ведь когда Замира уехала в Англию, многие зрители, часто незнакомые люди, останавливали меня на улице

Встреча старых друзей

и спрашивали, почему не видно Замиры Григорьян на сцене. Ее отсутствие было заметно.

Когда она приехала на юбилейные празднества, мы вышли на пустующую сцену, которая для нас, влюбленных в Театр, имеет свою магию... И тогда я почувствовала, как она тоскует по ролям, по тому успеху у зрителей, который сопровождал ее творческую жизнь.

На мой вопрос: «Хотелось бы вновь играть?», она ответила: «Играть бы хотелось всю жизнь». Но сейчас в Англии Замира занимается другими делами. Она изучила английский язык, занялась альтернативной медициной, дает уроки русского языка проживающим в Англии русским, поставила сказку на русском языке, учит детей развивать свои духовные способности по системе Михаила Чехова.

«Я счастлива, – говорит она, – что в театре кипит работа, и зрители стремятся попасть на спектакли. Желаю, чтобы так продолжалось долгие годы».

ЛЕЙЛА ДЖАШИ

Жуховицкого (постановка Г. Лорткипанидзе и Л. Джаши) со своим партнером В. Богиним (он потом уехал в Москву и стал ведущим актером Малого театра). Оба проявили себя опытными актерами психологического театра. И вдруг Юлия-Джулия в «Тени» Е. Шварца (постановка Р. Шаптовили). Внешне очаровательная, но страшная по своей сути особа, сыгранная с большим юмором. Удалась Замире и роль Эйке в пьесе Каугера «Свой остров» в постановке великого Фоменко. Помню, Петр Наумович был доволен работой Замиры. С приходом в театр А. Товстоногова открываются новые грани таланта актрисы.

ПРИВЕТ, ЧИПОЛЛИНО!

Аншлаг! Театральный зал, заполненный восхищенными детскими лицами, напряженно внимающий событиям премьерного мюзикла. На отлично декорированной сцене разыгрывались приключения сказочного персонажа Чиполлино - плод замечательной фантазии итальянского писателя Джанни Родари. Партер и галерка взрывались шквалом аплодисментов, воодушевляя тем самым увлеченно игравших актеров. Красочные костюмы, яркие атрибуты спектакля, искромётно исполняемые танцы, музыкальные пассажи... На глазах зарождалась то, что составляет гордость любого сценического представления - полное единение зрителя с разворачивающимся перед ним феерическим сказочным представлением.

Разгоряченное воображение благодарного зрителя требовало продолжения театрального чуда. И состоялся "спектакль" после спектакля. Непосредственная детвора высыпала на сцену, заглядывала за кулисы в поисках источника чуда. Переодевшиеся актеры вышли на подмостки, и попали в окружение темпераментных зрителей. Завязалось бурное общение с детьми, которые, несмотря на цивильные костюмы лицедеев, продолжали видеть в них персонажей только что отыгранной сказки. Возможно, это и был максимальный гонорар, на который в глубине души рассчитывали участники постановки.

Театральный праздник тем временем продолжался. Дискуссия на ходу принимала конструктивный характер. Дети выражали отношение к увиденному и тут же предлагали свое развитие сказочного сюжета. Может быть, в душе кого-то из них, возникло желание посвятить себя в будущем служению Мельпомене. Во всяком случае, нашлись и те, кто, воспользовавшись моментом, не удержался и незамедлительно разыграл миниценки из школьных постановок.

В свою очередь грибоедовцы не поскупились на аплодисменты после монологов юных дарований. "Коллегам" достались и автографы от профессионалов...

Остается добавить, что одной из "улик" этой встречи был оперативно состоявшийся в 29-й тбилисской средней школе - а именно, ее питомцы заполнили в тот памятный день

зрительный зал спектакля - тематический конкурс рисунков, посвященный инсценировке итальянской сказки. В школьных классах продолжался диалог.

Сам культпоход был организован руководством школы, и большим энтузиастом дела художественного воспитания подрастающего поколения - Джумбером Кечехмадзе. Ему принадлежит идея создания школьного театра.

Чтоб добрый почин не угас и принял регулярный характер, дирекция театра договорилась с администрацией школы о шефстве. Творческие силы труппы будут оказывать всяческую поддержку детским театральным начинаниям. Грибоедовцы же получают благодарного зрителя.

Отметим, и это немаловажно, что большую часть зала заполняли учащиеся начальных классов грузинского сектора школы. Для многих из них спектакль на русском языке стал серьезным испытанием.

Как по мановению волшебной палочки все преобразилось, когда говорящие на великом и могучем русском языке персонажи начали оживать на сценических подмостках. А если учесть присутствие увлекательных вставных музыкальных номеров, зажигательных танцев (особенности мюзикла), то школьник со свойственным ему темпераментом полностью отдается во власть искусства театра. Так начальный импульс приобщения к русской языковой культуре достигает своей цели.

С приходом в руководство театра им. Грибоедова Николая Свентицкого и подключения к созданию спектаклей для детей возглавляемого им "Русского клуба" началась новая страница в театральной политике по созданию высокохудожественных, броских, качественных представлений, рассчитанных на эту самую взыскательную аудиторию. Удалось разорвать порочный круг, мобилизовать достаточные ресурсы для воплощения эффектных проектов!

Объединение усилий театра и школы, координация работы педагогов и работников сцены, незамедлительно обернется результатом. И не раз за кулисами прозвучит: "Наконец-то аншлаг!", а из зала: "Привет, сцена!"

ЛИНА ГАСПАРЯН

АО Теласи снабжает электроэнергией 411 тысяч 500 абонентов г. Тбилиси, из которых 395 тысяч – физические лица, 14 тысяч – коммерческие, а 2500 – бюджетные организации.

С 1 сентября 2003 г. контрольным пакетом компании владеет русский энергохолдинг РАО «ЕЭС РОССИИ», закупивший акции Теласи у корпорации AES. Со дня прихода РАО «ЕЭС РОССИИ» в Грузию в Теласи утвердился эффективный, ориентированный на потребителя стиль управления. По сравнению с предыдущими годами, значительно сократилось число энергоограничений и аварий в столице, повысилась степень надежности электроснабжения.

Для реабилитации электrorаспределительной сети г. Тбилиси Теласи осуществляет миллионные инвестиции, направленные на модернизацию электрокабельного хозяйства и систем учета электроэнергии в столице. В 2006 г. компания завершит процесс выноса счетчиков в абонентском секторе г. Тбилиси.

Либеральная тарифная политика Теласи в течение последних трех лет предохраняет тбилисского потребителя от скачкообразных колебаний. Взаимоотношения населения и компании осуществляются в условиях стабильного тарифа на электроэнергию.

Грузия, г. Тбилиси 0154, ул. Ванская, 3
Тел: (995 32) 779 755; (995 32) 779 979; (995 32) 255 211;
Факс: (995 32) 779 981
e-mail: inform@telasi.ge
www.telasi.ge

TELIANI VALLEY

2000

თელიანი ვალი

ბოთალი 33კლ

Телиани

КРАСНОЕ СУ

ПРОИЗВЕДЕНО В

